

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ, НО НЕ УТРАЧЕННЫХ ИЛЛЮЗИЙ

*Жизнь не может быть
лекарством от смерти,
хотя смерть – безусловно,
лекарство от жизни.*

Милорад Павич

**19 июля 2012 года. Четверг. Порт Байкал.
10 часов утра**

Я собирался здесь, на даче, написать маленькую новеллу о том, как одинокому человеку, вдовцу, то есть мне, сын Дмитрий привозит на эту самую дачу, в Порт Байкал, что у самого истока Ангары, рыжего котёнка – Карасика. Карася Казимировича, Рыжика, которого не с кем было оставить в городе, поскольку Дмитрий со своей женой Светланой отправлялись на две недели в Таиланд, в свадебное путешествие.

Сын женился в начале лета нынешнего года, восьмого июня.

Женился так же, как и я, в своё время, в тридцать один год. Только летом, а не поздней осенью, как мы с Наташей, его матерью. И я надеюсь, хочу надеяться на это, что он будет счаст-

лив со Светланой, как были счастливы мы с Натальей, прожив вместе двадцать девять лет. И как жаль, что она не дожила всего три года до свадьбы Дмитрия...

Суть новеллы должна была сводиться к тому, что вначале отец, то есть я, не очень-то доволен тем, что к его обычным дачным делам и повседневным заботам – с утра после завтрака в обязательном порядке писать, хотя бы часа два, а после обеда заниматься необходимыми на даче хозяйскими делами...

Не успел дописать фразу – зазвонил, вернее пропел мелодией польского гимна «Ещё Польша не сгинела, покида ми живы...» мой мобильный телефон, лежащий на столе рядом с листами, на которых я пишу.

– Привет, дружище! – донёсся глубокий, приятный и какой-то барственный голос поэта (очень хорошего, кстати, поэта) Григория Вихрова, живущего вот уже много лет в Москве, но триумфально начавшего свою творческую деятельность у нас, в Иркутске.

– Гриша, ты в Иркутске, что ли? – обрадовался я.

– Нет, по-прежнему в бестолковой и шумной столице. Просто ещё не ложился...

Я взлянул на будильник, стоящий на столе напротив меня. Одиннадцать. Значит, в Москве – шесть утра.

– ...И вот, захотелось тебе позвонить, поговорить. Почитать новые стихи, написанные нынешней ночью. Да и соскучился я по тебе, бродяга. Осенью, может быть, выберусь к вам на Байкал с Женькой...

Послышался, показалось, очень далёкий и неясный женский голос, что-то прошелестевший Грише там, в Москве.

– ...Ну, с Евгенией Михайловной, – поправился он, ответив на не расслышанную мною фразу. Многие, в том числе и я, знали, что вторая жена Гриши лет на десять старше его. И уже снова мне:

– Ну, слушай!

Он прочёл своим бархатным голосом с искусством прирождённого декламатора несколько стихотворений, заволажив меня их музыкальностью и необычайной образностью. Особенно мне запомнилась одна строка из последнего стихотворения: «В пятнадцатый день десятой луны тысяча сто сорокового года...». И что-то ещё: «Девушка из династии Сун...». И сколько-то там минуло в разлуке лун...

– Ну, как? – спросил он, закончив декламировать.

– Здорово, Гриша! – честно признался я. – И по форме, и по содержанию. А ещё у тебя есть хорошая особенность, ты не стараешься читать стихи «с выражением»! Ты читаешь их выразительно.

– Ну и ладненько. Пойду тогда спать. Пока.

...Голос умолк. И из Китая двенадцатого века я снова перенёсся в век двадцать первый, на свою дачу у Байкала.

Итак, мы остановились на том, что дел на даче, как известно, всегда много. А тут ещё прибавится забот: надо будет кормить кота (вопрос – чем?), где-то брать наполнитель для его домашнего туалета. Ибо котёнок он доморощенный и не может, как местные деревенские коты и кошки, справлять свою малую и большую нужды на улице – к лотку приучен. И в этом лотке надо будет потом за ним убирать. Да ещё следить, чтобы он не удрал из дома. В общем, как говорится, и т. д. и т. п.

И впоследствии этот человек, то есть я, понимает, как здорово, что ему привезли это игривое, весёлое живое существо. И его недовольство сменяется благодарностью. И даже тихой радостью, потому что теперь ему не так одиноко. Есть о ком заботиться. А как приятно видеть, когда кот со всех ног бежит, встречает после прихода с улицы. Ходит кругами, трётся о ногу, ласково мурлычет и всем своим видом даёт понять, что он очень рад возвращению хозяина даже после недолгого отсутствия.

А однажды и вообще он спас меня.

Я оказываюсь один в ночной степи, освещённой таинственным, мертвенным лунным светом и яркими, большими, близкими звёздами. И я бреду по этой степи, не зная куда и зачем. Без всякой надежды выйти к людям. Ибо степь кажется бескрайней. И вот я, одинокий, отчаявшийся человек, слышу очень далёкое тарыхтение невидимого трактора. Иду на звук и вскоре замечаю далёкий, почти на самом горизонте, маленький, трепетный огонёк костра. И уже весело, зная, что не один в этой ночной чёрной степи, направляюсь туда – к этому костерку. К людям, к тарыхтению трактора...

А открыв глаза, просыпаясь, я понимаю, что всё это видел во сне. Наяву же замечаю ранние солнечные блики на крашеном блестящем полу, проникшие в дом из восточного окна. И слышу, как тарыхтит рядом со мной тот самый «трактор», спасший меня в степи, – маленький, рыжий, смешной котёнок, крепко спящий у моего плеча.

«Так вот, значит, какой «тракторишка» вывел меня к людям», – благодарно думает человек, ласково глядя на спящего котёнка. «Живая душа!» – радуется он и гладит кота по шелковистой шерстке. А тот в благодарность за ласку, ещё в сонной истоме, утыкается прохладным, влажным розовым носиком в плечо хозяину. И так они лежат рядышком ещё какое-то время, радуясь наступившему новому дню, солнцу, лету, теплу.

Вот, собственно, и всё, что должно было быть в этой новелле.

Впрочем, нет. Пожалуй, не всё. Должно было быть ещё прощание, вернее расставание с котёнком.

За несколько дней до моего отъезда с дачи, чтобы не обременять меня ещё и «вывозом живности», за Карасиком приехал сын...

Хотя девятнадцатого июля, когда я начал писать новеллу о котёнке, я об этом ещё не знал.

Поскольку его Дима увёз одиннадцатого августа, в субботу, когда я по обыкновению топил баню, чудесным солнечным днём.

– Ты, отец, не заморачивайся, – сказал он, выпив рюмку коньяка и заев её долькой лимона. (Сам я перед баней не обедаю, предпочитаю париться натошак.) – Иди спокойно в баню, – продолжил он, с аппетитом хлебая борщ с тушёной, – а мы с Рыжиком сами до парома как-нибудь добредём. Жаль только, что ты нагрузил меня снова неизвестно чем.

«Неизвестно чем» было: свежая малина в стеклянной банке, пересыпанная сахаром, сушёные грибы, замороженный свежий омуль, завернутый в несколько полиэтиленовых пакетов, чтобы остальные продукты не пропахли рыбой, цветная капуста, которой меня угостили соседи по даче и которую я готовить не умею, и сухой ещё оставшийся у меня кошачий корм. Всё это сложено в большой пакет.

– Ну, да ладно, – продолжил сын примирительно, чтобы не расстраивать меня, – до той стороны как-нибудь доберёмся. А там, ты говоришь, нас встретит на машине твоя знакомая и отвезёт до дома.

– Встретит, Дима. Я сегодня утром, ещё до твоего приезда, Наталье Афанасьевне звонил. И она договорилась со своей дочерью Олесей приехать за тобой. Они будут ждать вас на той стороне. Подъедут прямо к парому. Так что доставят вас с Карасиком прямо до подъезда.

Пообедав, Дима посадил Карасика в спортивную сумку, застегнул молнию с двух сторон так, что посередине высовывалась только голова котёнка с его недоумевающим и немного испуганным взглядом.

Взяв довольно объёмный полиэтиленовый пакет, которым я его снабдил, в одну руку, а сумку в другую, он, простившись со мной, пошёл по извилистой тропинке к калитке нашего весьма просторного участка. И всё это время я видел, как Карасик вытягивает шею и смотрит на меня, стоящего на крыльце дома, очевидно, не понимая, почему расстанутся эти два близких любимых им человека.

До конца я тоже этого не понимал, стараясь оправдать расставание необходимыми обстоятельствами жизни. Хотя всё моё существо кричало о том, что единственным необходимым обстоятельством нашей жизни должно быть неразлучение близких душ. Тем более, что жизнь так коротка.

Я не выдержал и нагнал их.

– Дима, давай пакет. Я вас провожу.

– А баня? – спросил сын, передавая мне пакет.

– Никуда она не денется. Попарюсь сегодня попозже.

Мы шли сначала по тропинке. Потом – по поросшей аптечной ромашкой, с её таким приятным деревенским запахом, забытым в городах, просёлочной дороге. Потом снова – по узкой и крутой тропе, спускаясь к Байкалу. Говорили о чём-то несущественном, о пустяках, не имеющих особого значения. Наверное, так всегда поступают люди, стремящиеся казаться беспечными, чтобы не расстраивать перед разлукой близких людей. Однако я видел, что мои попытки быть беспечным плохо удавались мне. И только Карасишка, выглядывающий из сумки, покачивающейся между нашими ногами, успокоился и уже с нескрываемым интересом наблюдал за пролетающими мимо красивыми бабочками, крутя головой и вдыхая незнакомые ему запахи вольного ветра, когда мы спустились к Байкалу...

– Ну ладно, до встречи, – свободной рукой приобнял меня сын у парома. – Да не грусти ты так, отец. Ты же через несколько дней приедешь. А мы тебя все будем ждать: я, Карасик, Света. Фотографии тебе из Таиланда покажем. Давай пакет, – протянул он руку и, взяв продукты, вошёл на паром.

Тот медленно, как-то неуклюже, словно с неохотой, стал отходить от причала, и лента тёмной воды, разъединяющая нас, становилась всё шире и шире.

Вернувшись на дачу и отдёрнув сначала кремовую тюлевую занавеску (от назойливых летних насекомых, в основном мух), я по привычке осторожно отворил входную, открывающуюся внутрь дверь, чтобы не ударить ею Карасика, который обычно встречал меня, стоя на коврике перед ней, с нетерпением дожидаясь моего прихода из магазина, из бани ли. А встретив, начал ластиться, просясь на руки...

За дверью, естественно, никого не оказалось, а дом, несмотря на его небольшие размеры, показался мне вдруг таким большим, гулким и пустым, каким бывает ранним утром сонный безлюдный вокзал. Ни стульев, ни стола, ни кровати в нём как будто бы не было. И только белая печь прочно стояла посередине. Да на веранде,

куда я вышел, был широкий рундук, потому что я помню, что вместо того чтобы идти в баню, подкинуть в печь дровец, улёгся на него и закрыл глаза, мысленно стараясь продолжить строчку, пришедшую мне на ум на обратной дороге: «Чем измерить меру одиночества?..».

«Да, одиночество хорошо только тогда, когда есть с кем им поделиться», – невесело подумал я. И ещё, отчего-то вспоминая роман Михаила Булгакова «Жизнь господина де Мольера», прочитанный недавно, я припомнил две строки, сочинённые в связи с этим романом. И которые, наверное, как и предыдущая строка, пришедшая мне на ум на обратной дороге, не станут никогда законченным стихотворением, а так и останутся осколком бытия, просвиствившим мимо. Хотя и успевшим ранить сердце по касательной.

«Воскреснуть, чтобы снова умереть? Как это, сударь, скучно, право...»

Почему после прочтения романа придумались, написались именно эти строки, я ответить не смогу. Что-то вызвало к жизни именно их. А что именно, я не знаю.

Что же касается задуманной новеллы, во всей её простоте, лёгкости, ясности и даже некоторой незаконченности, как мне виделось в мечтах, то она отчего-то никак не давалась мне, всякий раз перерастая в рассказ с неведомым для меня сюжетом и неизвестным исходом. И я, на следующий день перечитав написанное накануне, начинал всё сначала. И так было не один раз. Однако снова вместо маленькой новеллы получался объёмный рассказ. Обрастающий подробностями, иногда, как выяснялось позже, совсем ненужными. И тут же появлялись новые, как мне казалось, теперь важные вставки, поспешно записываемые на отдельных листах, уже с иными сюжетными линиями. И вновь я заходил в какой-то творческий тупик, увязая, как в топком болоте, в обилии материала и сознавая своё бессилие от невозможности справиться с ним. От невозможности кратко, чётко и ясно выразить словами свои мысли. «Краткость и точность – вот первые достоинства прозы...», – вспоминал я Пушкина, приходя в отчаяние. Меня охватывала паника. И я уже не мог ответить себе на главный для любого пишущего человека вопрос: «Для чего я это, собственно говоря, пишу?». И нужно ли будет хоть кому-то написанное мною? Впрочем, в глубине души я понимал, что любой творческий процесс, в том числе и литературный, не нуждается в оправдании, поскольку

не отвечает на вопрос: «Зачем это надо писать?». Он отвечает, как я уже упомянул, на вопрос: «Для чего?». Но вот на него-то я и не находил ответа.

Я прекращал работу. И на следующий день начинал всё сначала, с чистого листа, успокаивая себя фразой знаменитого голландского конькобежца Кейса Феркерка: «Падая и вставая, ты растёшь».

В конце концов я пришёл к мысли, что не стоит бороться с тем, что неотвязно просится на бумагу. Что по сюжету это может быть не обязательно новелла или рассказ. Это может быть повествование из нечётко разграниченных между собою новелл, касающихся темы «Живая душа». А может быть, и не касающейся данной темы впрямую, поскольку в творческом процессе многое непредсказуемо. Более непредсказуемо, чем в обычной жизни. А ведь на самом-то деле всё необычайно просто. Все мы, каждый человек, страдаем и мучаемся до тех пор, пока не встретим созвучную нам живую душу. Но это, увы, такая редкость. Зато и такая редкостная удача, если кому-то посчастливится обрести это созвучье близких душ.

«Вот об этом я и постараюсь написать», – решил я.

И ещё я подумал о том, что любые наши воспоминания – лишь эхо минувших событий. Некий их отзвук. «Поиски утраченного времени», как об этом сказал Марсель Пруст.

Я, например, очень хорошо помню многие свои ощущения, порою и весьма отдалённые теперь от нынешнего дня. Но всегда затрудняюсь, а чаще всего и не могу вспомнить год, когда то или иное событие произошло. Для меня будто существуют только близкие вчера и сегодня. Причём «вчера» может отстоять от «теперь» на много-много лет. И я порою с искренним изумлением думаю: «А где теперь тот любознательный, мечтательный, задиристый, желающий, чтобы всё всегда было по справедливости, мальчик, которым я был? Где он?» Ведь не ответишь же на этот вопрос словами Горького из его романа «Жизнь Клима Самгина»: «А был ли мальчик?». Это было бы слишком просто. И это не было бы правдой, потому что я-то точно знаю, что мальчик был. Я даже иногда, хотя и очень редко теперь, ощущаю его в себе.

Я даже вспомнил, как одна моя знакомая журналистка брала у меня интервью, в конце которого почему-то спросила:

— А ты не боишься впасть в детство? Ведь возраст-то уже солидный?

— Не боюсь, — вполне искренне ответил я, — поскольку я из него никогда и не выпадал...

Может быть, именно из-за всего этого, из-за этих неотступных мыслей мне и захотелось облечь в слова то, что я чувствую и знаю. Тем более что литературные герои зачастую гораздо живее и реальнее наших современников. Ведь даже живущих с нами на одной лестничной клетке людей мы можем порою не знать, ничуть не страдая от этого. А вот князя Андрея, Наташу Ростову из «Войны и мира» Толстого, Дон Кихота Сервантеса, Ромео и Джульетту Шекспира знает почти каждый, даже тот, кто этих книг не читал. Но герои их сами стали реальностью жизни, причём более реальной, чем происходящая вокруг нас жизнь. Ибо литература — это одновременно и лекарство от смерти и напоминание о ней. Помните, как хорошо об этом сказано у Милорада Павича в его чудесной вещи «Вечность и ещё один день»: «Любая смерть есть, в сущности, слово. Все наши смерти, вместе взятые, составляют великое неразгаданное послание...».

И раз есть литература, есть люди, которые, несмотря ни на что, пишут новые, небывалые (в смысле, не бывшие прежде) произведения — следовательно, человек бессмертен, то есть его живая душа.

Вот и я попробую написать рассказ о своих мыслях и ощущениях. Причём, создавая его, мне хочется сделать это с дневниковой точностью. Как это удалось Хемингуэю в его прекрасной книге «Зелёные холмы Африки». Где нет художественного вымысла, а есть только повседневная жизнь, повседневные разговоры...

Сам Хемингуэй написал об этой повести так: «Автор стремился создать абсолютно правдивую книгу, чтобы выяснить, может ли такое правдивое изображение событий одного месяца и страны, в которой они происходили, соперничать с творческим вымыслом».

Попробую и я сделать нечто подобное. Пусть это будет повествование в новеллах, рассказ или маленькая повесть. Жанр здесь не важен. Важно, чтобы всё, о чём я напишу, было точно. С датами, деталями дня, происходящими событиями, какими-то сиюминутными вещами. Как тот, уже включённый в канву повествования телефонный разговор с Григорием Вихровым.

Зачем я собираюсь это сделать? Я не знаю. О чём будет рассказ? Теперь уже не ведаю.

Надеюсь, что не ведаю пока, имея в голове лишь некий абрис будущей вещи. И, конечно же, навивное желание самовыражения, которое сопутствует любому творческому процессу. Будь то писание романов или приготовление борща...

И вновь звонок. На сей раз из Ангарска.

Мой друг — хороший композитор и музыкант Евгений Николаевич Якушенко, для меня просто Женя, радостно кричит в трубку:

— Старик, я стал прадедом!

Выясняется, что у дочери его сына Артёма, прекрасного скрипача с мировым именем, дочь Наталья, которую я знал ещё совсем маленькой девочкой (тогда Артём со своей первой женой жил ещё в Ангарске, а не в Москве), в четыре часа утра родила мальчика, которого заранее было решено назвать Павлом. («Душа моя Павел, держись строгих правил», — вспомнилось мне откуда-то.)

— Представляешь, — богатырь, — продолжал орать Евгений, для чего мне приходилось трубку мобильного телефона слегка отодвигать от уха. — Вес — три девятьсот! Рост — пятьдесят семь сантиметров! Мы с Наташкой (жена Жени) пьем за его здоровье! Я — водку «Омулёвку», она — вино. Жаль, что тебя нет, — немного сбавил Женя звук.

— Не рановато начали? — пошутил я, поздравив их с правнуком.

— После двенадцати можно! — бодро ответил Женя. И добавил: — Мы к тебе прикатим денька на два с Наташкой.

Я взглянул на часы, было 12:45.

— Только предупредите о приезде заранее, — начал я, но связь оборвалась. У нас здесь, среди гор, такое частенько бывает.

...Что ж, и мне пора на сегодня закругляться. Тем более что, слава Богу, с очередной попытки рассказ, кажется, пошёл.

Продолжу завтра.

20 июля 2012 года. Пятница. Порт Байкал. 10:10

Ночью я спал крепко. И мне снилось что-то очень хорошее. Может быть, оттого, что не прекращающиеся с понедельника, по сообщениям синоптиков, «кратковременные дожди» наконец-то прекратились. И, гуляя по своему саду сновидений, я даже во сне пытался сохранить что-то заветное в своей памяти. Как хорошо о сне ска-

зано у Владимира Набокова, и словно о наших местах:

*Когда с небес на этот берег дикий
Роняет ночь свой траурный платок,
Полушутя даёт мне Сон безликий
Небытия таинственный урок.*

Проснулся я, да и то с трудом, в половине восьмого от настойчивого мяуканья Карасика.

Он сидел на шкуре белого оленя, лежащей у кровати вместо коврика, и истошно орал, широко разевая свой розовый ротик.

Его биологические часы сработали точно. Он уже привык за время совместного нашего проживания, что я встаю в это время и первым делом кормлю его.

– Казимирыч, ну чего ты орёшь? – Опустив правую руку, я погладил его. И он довольно зауракал. – Сейчас встану, покормлю тебя.

В холодильнике на веранде, куда я протопал босиком, уже со вчерашнего вечера вынутые из морозильной камеры на нижней полочке лежали в прозрачном полиэтиленовом пакете две довольно большие мойвы.

Купленную в магазине рыбу я раскладываю порционно в прозрачные пакеты. Если рыбки небольшие – по три, а если довольно крупные – по две. И храню всё это в общем пакете в морозилке.

На пластмассовой разделочной доске – для рыбы – я разрезал на небольшие кусочки мойву и положил в чашку Карасика, ходящего вокруг меня кругами от дразнящего его аппетит запаха рыбы. И нужно было видеть, с каким удовольствием он начал поглощать кусочки жирной мойвы.

А я всё в том же наряде, то есть в одних трусах, выйдя из помещения, проследовал по нахоженной росистой тропинке в «домик уединения», скрытый небольшой молодой берёзовой рощицей, с несколькими могучими соснами, растущими среди них.

С внутренней стороны двери очень чистого у нас туалета была приделана небольшая картонная табличка с надписью: «Красный уголок».

Вернувшись через некоторое время к дому, я умылся возле уличного умывальника, ощущая не только бодрость от прохладной воды, но и приятную мягкость росистой травы под ногами.

Приезжая на дачу, я каждое утро прохаживаюсь босиком по этому маршруту: до «домика

уединения», потом к умывальнику с его приятно звенящим не то носиком, не то хоботком, только потом вхожу в дом.

Ближе к Покрову, если я ещё на даче, шагаю, а вернее бегу, босиком, иногда уже по выпавшему ночью снегу.

Сегодня на обратном пути, немного побродив по участку, нашёл в березнячке один гриб. Обычно же я по утрам срезаю для сушки на зиму три-четыре гриба. Но зато сегодня мне попался ядрёный белый гриб!

Возвратившись в дом, я выпил натошак два стакана воды. Помолился у иконок Богородицы и Христа, висящих в восточном углу дома. Приготовил овсянку, поскольку сегодня пятница – день постный. В готовую кашу намыл горстку изюма. Заварил крепкий чай. Отрезал в кружку с чаем дольку лимона...

Позавтракав, вымыл в тазике посуду горячей водой, оставшейся в чайнике, разрезал на небольшие кусочки на разделочной деревянной доске белый гриб, положил его в картонную коробку, которую поставил на печку. Сделав все утренние дела, сел на веранде за чистый стол поработать. Время от времени наблюдая в своём «шестиканальном телевизоре» (настоящего телевизора у нас в городской квартире нет уже больше года, а здесь, на даче, этой напасти вообще никогда не было) – окне веранды, разделённом вертикальными перегородками на шесть частей, что делается в округе.

На «первом канале» – мой ближайший сосед по имени Женя Серебрянников, а точнее – его дом и видимая часть участка. По возрасту Женя уже давно, конечно же, заслужил право быть Евгением Яковлевичем. Но я его, поскольку мы почти ровесники, по-прежнему зову Женей и даже Женькой. Местные жители прозывают – Канада, с ударением на последнем слог. И у него мы, кстати, в прошлое воскресенье, в макушку лета, пятнадцатого июля, с некоторым опозданием, правда, отпраздновали столетие Сергея Яковлевича Лемешева. И сорокалетие одной известной у нас на горе дамы, частенько ранее приезжавшей ко мне. А ныне – просто моей приятельницы, с которой прежде мы были очень близки. Но об этом я расскажу чуть позже, поскольку это интересно с точки зрения почти утраченных иллюзий. И это будет ещё одна неявная новелла сего лоскутного повествования. Тем более что о ней я уже написал в предыдущих, отвергнутых мною потом

вариантах рассказа. А в них есть, на мой взгляд, очень хорошие куски. И мне не хотелось бы, чтобы они пропали совсем.

Итак, мой ближайший сосед по имени вышел пострелять из охотничьего лука.

Стреляет он метров с шестидесяти в щит, соборный из белых кусков пенопласта, в центре которого закреплена чёрная граммофонная пластинка, так контрастирующая по цвету с белым цветом щита. Размер самого щита где-то полтора на полтора метра, и толщина сантиметров в десять, наверное.

Задача стрелка – попасть не просто в щит и даже не просто в пластинку, а в синий или красный кружочек бумаги (несколько сантиметров в диаметре) с круглой дырочкой посередине, приклеенной в центре пластинки. И обычно Жене это удаётся.

Даже через стекло верандного окна я слышу, как упруго щёлкает тетива и как с характерным хищным и злым звуком вонзаются в щит стрелы.

Выхожу на крыльцо. Надеваю стоящие там сабо с деревянной колодкой, купленные мною на исходе прошлого века в чудесном городе Таллинне, и иду к соседу. Устрою себе небольшой перерыв.

– Ну, как успехи? – спрашиваю, подойдя к нему сзади.

– Гляди, – не оборачиваясь, отвечает он, узнав меня по голосу, и закрепляет на тетиве очередную стрелу.

Целится, натягивает тетиву, отпускает на волю стрелу, и... остатки пластинки «Хороши у нас в саду цветочки, ещё лучше девушки весной!» как-то весело, с каким-то сухим звуком разлетаются в разные стороны.

– Силён! – восхищаюсь я и произношу, вытягивая из себя сочинённый тут же каламбур: – Он, как Диана, метит в цель. Стрела летит в забора щель.

Дело в том, что щит стоит у деревянного забора, за которым – дорога, превратившаяся со временем от ручья, текущего по ней и под ней, в небольшой неглубокий каньон.

– Неправда ваша, батенька, – улыбается, оборачиваясь, Женька, мой однокурсник по охотоведческому факультету, который мы вместе окончили, страшно даже подумать, ровно сорок лет назад.

«Значит, знакомы мы с Женькой уже сорок пять лет! Почти полвека, – подсчитываю я мысленно. – Так и не став, однако, за всё это время

друзьями. В лучшем случае мы просто приятели...»

Возвращаюсь домой.

Но прежде чем продолжить работу, вернее, снова включиться в то состояние, которое этому сопутствует, рассеянно перебираю взглядом и «другие каналы» своего дачного «телевидения».

На втором – аккуратный, небольшой белый домик (отделанный модным ныне сайдингом), с красной «черепичной» крышей (металлочерепица). Принадлежит он бывшему байкальскому капитану Юрию Владимировичу Косякову. Все окна в нём сейчас закрыты жалюзи.

Дом этот за один сезон построил (точнее, нанял бригаду строителей, которая сделала это столь быстро) зять капитана из Питера, бывающий здесь крайне редко. И капитан с женой используют теперь участок при доме как огород. Внизу у них, у Байкала, в двухэтажном деревянном бараке есть квартира, но нет земельного участка.

На «третьем канале» виден очень красивый, со множеством пристроек и «неровной вычурностью крыш», как поётся в песне Олега Митяева, ещё строящийся дом академика Гудкова. Крыша из металлочерепицы на основном доме выдержана в цветах российского флага – бело-красно-синяя. В три широких полосы. Пока на стройке тишина.

Зато на «четвёртом канале», у соседей через «каньон», по-прежнему, впрочем, называемый улицей Горной, у Николаевых, сегодня оживление. Подъехала одна машина, вторая. По-видимому, у сыновей Галины Алексеевны, живущей на даче с мая по октябрь, Алексея и Николая, отпуск или выходные. На их участке теперь три дома: Галины Алексеевны, Лёши, Коли. Дома стоят почти в одну линию, но на разной высоте, поэтому отчётливо видны почти все.

Самый нижний дом – Галины Алексеевны – называется Дом под кедром.

Из-за этого высокого, красивого дерева они в своё время с Валерием Ивановичем, мужем Галины Алексеевны, и купили этот дом у местного деда-вдовца, собиравшегося уезжать куда-то к детям.

Потом на их большом участке, поднимающемся в гору, почти на самой её пологой макушке, построился старший их сын Николай. Было это в конце прошлого века.

А потом, переехав из Братска в Иркутск, между ними воздвиг свой дом и младший сын Алексей.

В отличие от материнского, обычного деревенского дома, у обоих сыновей дома большие, двухэтажные, красивые.

А жена Коли Катя, дочь Евгении Ивановны Молчановой (отец Евгении был в тридцатые – пятидесятые годы прошлого века известным в СССР поэтом, встречался с Горьким) от первого брака (нынче Евгения замужем за поэтом Скифом), прекрасно, как профессиональный гонщик, водит машину по нашей разухабистой и каменной улице Горной.

А сестра Евгении Ивановны – Светлана Ивановна, к слову сказать, была женой Валентина Григорьевича Распутина, фактически живого классика литературы наших дней. И дача, где теперь живут Скифы – Володя с Женей, их дочери и дети их дочерей, была когда-то дачей Распутиных. На ней в своё время Валентин Григорьевич и написал так много прекрасных рассказов, переведённых потом почти на все языки мира. Такие, например, как «Наташа», «Что передать вороне?» и другие...

«Что передать вороне?», по-моему, особенно хорош. Есть в нём какая-то необъяснимая пронзительность, проникающая в тебя и трогающая до глубины души. Печально только, что ни Светланы Ивановны, ни их дочери Марии, маленькой (по возрасту) героини того рассказа, уже нет на этом свете.

Светлану Ивановну отпели в Богоявленском соборе Иркутска в начале нынешнего лета. А Марию, прекрасную органистку, сгоревшую в разбившемся в Иркутском аэропорту самолёте, несколько лет назад отпевал сам владыка Владимир в Знаменском соборе, невдалеке от которого теперь стоит памятник Александру Васильевичу Колчаку, работы известного скульптора Клыкова. Памятник поставлен у собора потому, что после расстрела большевиками его сбросили в прорубь – иордань, прорубленную во льду Ангары к Крещению Господнему. Из этой проруби монахини Знаменского монастыря (прежде это был женский монастырь) брали воду. И произошло это 7 февраля 1920 года...

На «пятом канале», уже снова с нашей стороны дороги, как-то очень грустно, насупившись, с закрытыми ставнями окнами стоит дом Светланы Ивановны Таволжанской, скульптора и жены художника Глеба Богданова. Его уже давно нет в живых. Её похоронили месяц назад. А сын Светланы Ивановны, оказавшийся в Израиле, что-то не очень спешит возвращаться в родные

места. Туда, где он бегал ещё босоногим мальчишкой, проводя на даче лето.

Итак, обзорев почти на сто восемьдесят градусов окрестности, снова берусь за работу. И вдруг слышу, как сама собой с противным протяжным скрипом неспешно начинает отворяться дверь хозяйственного шкафа, в котором у нас хранится посуда, кое-какие продукты, и которую, я точно помню, плотно прикрыл, когда вернулся с Женькиного участка. Такое ощущение, будто дверь кто-то не очень сильный настырно толкает изнутри. «Может быть, гномик?» Через минуту выясняется, что это совсем не гномик. Из шкафа, толкая дверцу головой, выбирается Карасик.

Выбравшись на волю, он какое-то время смотрит на меня недоумённо, словно спрашивая: «А что это ты тут делаешь?». А затем, сладко потянувшись, прогнув спину, начинает точить когти, попеременно то одной, то другой лапкой вонзая их в ворс паласа, почти полностью закрывающего пол веранды.

Судя по всему, он спал в шкафу. Причём он сам научился приоткрывать дверцу. Зацепит её снизу коготком и тянет на себя, пока не образуются щель. Открывая же дверцу изнутри, он толкает её от себя. Умный котик. А спит он обычно в шкафу на нижней полке, на пустых полиэтиленовых пакетах, сложенных в картонной коробке, рядом с небольшим пластмассовым лотком для картошки. Этакая получается там у него безопасная колыбелька.

Вообще у него на веранде три излюбленных места отдыха. Уже упомянутый шкаф. Верхняя ступенька лестницы, ведущей на второй этаж. Обычно он забирается туда, когда я ухожу из дома, и спит, как в норке, под закрытым люком. И – рундук. На мягкой подстилке рундука он любит подрёмывать днём, когда вся веранда залита солнцем.

Поточив когти, Казимирыч подходит ко мне и тихо, почти беззвучно, мякнув, падает «замертво» на спину, рядом с моей табуреткой. Кверху брюшком, с белой мягкой шерсткой на нём. Это означает, что я должен его погладить. И я, прекратив все свои занятия, наклонившись, конечно же, глажу его. И спинку, и брюшко. А он довольно урчит и жмурится.

Глядя на его вальяжную позу, решаю, что и мне, пожалуй, пора отдохнуть. Тем более что времени почти двенадцать. А я обычно работаю с десяти до двенадцати. Больше двух часов уже тяжело. Да и нельзя творческий колодец души

вычерпывать до дна. К тому же и дел у меня сегодня на после обеда намечено немало. А до обеда надо ещё успеть сходить в магазин – купить кой-каких продуктов да пивка. Ведь завтра у меня, как обычно по субботам, баня! Да и гости должны приехать.

После обеда, с двух до пяти, я занимаюсь, по обыкновению, хозяйственными делами.

Вчера, например, проредил на участке очень уж загустевшую берёзовую поросль. Причём угадал как раз вовремя. Через неделю после Петрова поста, когда лист на берёзе самый крепкий. Сегодня буду из того, что нарубил вчера, вязать берёзовые веники для бани. Ещё вчера я успел вырубить кусты черёмухи, листву на которых сожрала нынче горностаевая моль, неведомо откуда нагрянувшая в наши края.

Одним словом, дел на даче всегда хватает.

И это хорошо. А ещё хорошо то, что нет у меня тут никаких грядков. Вот и получается, что обычно я два часа в день пишу и три часа работаю физически. После чего моюсь в бане нагретой в ведре большим кипятильником водой. Готовлю ужин себе и Карасишке. Ужинаю.

Вчера у меня была яичница из двух яиц и двух сосисок, салат из помидоров с луком, чёрный хлеб и стакан красного сухого вина. А Карасю я отварил несколько кусочков мятая с морковкой.

После ужина, вымыв посуду, почистив зубы, иду в дом помолиться.

Молюсь о дорогих своих усопших, список которых всё удлиняется, увы, а список «За здравие» становится короче. Когда молюсь о родных и близких, думаю, что, может быть, и о моей душе потом, когда придёт срок, найдётся молитвенник...

После вечерних молитв, обычно уже часов в восемь, расстилаю постель, ложусь и часа два читаю. И это время, когда дневные дела окончены и можно отдохнуть за интересной книгой, я очень люблю. И обычно, когда ложусь в постель, ко мне тут же запрыгивает Карасик и, устроившись сбоку, начинает тарыхтеть, как маленький тракторишка. При этом рожица у него от удовольствия становится такая умильная.

Вот такой у меня обычный дачный распорядок дня.

Сейчас я читаю Булгакова – «Театральный роман». «Белую гвардию» уже прочёл...

Ну ладно, заканчиваю. Завтра, а вернее в понедельник, потому что в субботу и воскресенье я не работаю, коплю впечатления, продолжаю.

Поговорим о неутраченных иллюзиях и дожде.

И вот на иллюзиях мне хочется остановиться чуть подробнее. Потому что о них можно сказать: «Увы, я ещё не утратил свои иллюзии», а можно сказать: «Хорошо, что я их ещё не утратил». Ибо, с одной стороны, иллюзии – это тяжкое бремя. И это так. Безусловно так. Но только с одной стороны... Другая же сторона заключается в том, что иллюзии не являются тяжким бременем. А наоборот, бывают тем лекарством, тем чудесным средством для многих, ныне и не ныне живущих и живших. Отнимете у человека его мечты, его фантазии и грёзы, вы его не узнаете... Он сразу же постареет на много лет, поскольку вы убьёте в нём самое лучшее – его надежды.

О дожде же мне хочется поговорить, во-первых, потому что я люблю дождь. И, во-вторых, потому что о нём, о непогоде, об этих серых, призрачных днях так хорошо написал в своей повести «Что может быть лучше плохой погоды...» болгарский писатель Богомил Райнов.

Всё, заканчиваю. Никак не могу остановиться. А написал я сегодня немало для себя. Целых пять рукописных страниц! Обычная же моя норма полторы-две страницы.

15

Итак, до понедельника, дорогой мой гипотетический читатель. Тем более что уже первый час дня. Засиделся я сегодня за столом. Может быть, оттого, что писалось хоть и не очень легко, но всё же без особого напряжения.

Карасишка перебрался с паласа на табуретку, на противоположный от меня конец стола. Сел там, положив передние лапки, как примерный ученик кладёт руки на парту, на узенький подоконник окна и с интересом наблюдал за бабочками и птицами, за которыми в течение почти недельного дождя он наблюдать не мог. Потому что их попросту не было. Видно, и им затяжное ненастье не нравится и они где-то прячутся от него.

23 июля 2012 года. Понедельник. Порт Байкал. 11:40

Сел сегодня за стол в 10:10. И вот, до сего времени вычитывал, делал вставки в уже написанное ранее, что-то выправлял.

На выходные собирался приехать Дима со Светой и с друзьями, но, по-видимому, их испугал начавшийся в субботу с ночи дождь. А приятели сына и его жены хотели разместиться не в

двух гостевых наших комнатах на втором этаже, а в палатке.

Одно лето у нас так гостила Димина знакомая по Интернету. Очень славная девушка, приходившая по утрам ко мне на веранду, пока Дмитрий ещё спал на втором этаже, за кипятком.

Когда я предлагал ей жить в доме, она, виновато улыбаясь, словно боясь обидеть отказом, говорила:

– Вы знаете, я всю зиму мечтала на Байкале в палатке пожить. А зима у нас в Архангельске ох какая долгая...

Слова она произносила протяжно, чуть нараспев.

Впрочем, тогда в палатке жить было одно удовольствие. То лето не было таким дождливым, как нынешнее. И ночи в августе, когда она приезжала, были тёплыми.

Я что-то не припомню в этих местах таких затяжных дождей. Не исключено, что нынешнее лето местные жители назовут потом «Дождливое лето 2012 года». А в такое лето сено заготовить на зиму для ещё оставшейся кое у кого скотинки совсем непросто. И в этом для местных основная беда.

Кстати, а впрочем, совсем некстати, сегодня ночью, как и в выходные, с небольшими перепадами лил дождь.

Прозрачная дождевая вода заполнила уже все низины на участке. По тропинкам текли ручьи. А в дорожных колеях, за забором, весело журчали настоящие речушки, устремлявшиеся с нашей горы вниз, к Байкалу.

И мне в шуме дождя, когда я работал на веранде, всё чудились чьи-то отдалённые голоса или близкие шаги...

Шаги, впрочем, сегодня действительно были. Меня, несмотря на дождь, навестил поэт Владимир Скиф, поднявшись на нашу гору за грибами. И мы с ним немного посидели на раскладных стульях под навесом над крыльцом. И даже поговорили о чём-то незначительном, сиюминутном. Или, как он сказал перед тем как уйти: «Помолчали на брудершафт, ну и ладно».

Конечно, мне хотелось бы, чтобы это были шаги той, ещё неизвестной здесь дамы, которая, как и Володя, не испугавшись дождя, приехала ко мне на дачу в минувшую субботу. Не предупредив заранее, на удачу. Надеюсь на то, что в дождь никто не приедет и я буду на даче один. Такая вот нечаянная радость, которую

не чаяли мы встретить. И мы с ней провели здесь действительно, несмотря на дождь, два чудесных дня. Тоже посиживая иногда вот тут же под навесом на крыльце в раскладных креслах. Потеплее одевшись, мы любовались, обычно после ужина, чудесным видом на Байкал, на закат. Разговаривали, молчали. Слушали, как дождь неистово стучит по железу крыши над нами, а то вдруг стихает и как будто что-то шепчет нам двоим о своих сокровенных тайнах. И под этот его славный шепоток о чём-то ведомом только ему – дождю, о чём ему так хочется поведать нам, мне даже, хоть и не сразу, припомнилось стихотворение японского поэта Сётэцу, родившегося через год после Куликовской битвы (почему-то именно такая аналогия пришла мне на ум, когда я вспоминал его стихотворение и дату его рождения – 1381 год):

*Целую ночь напролёт
Он голоса приносит.
Здесь ушло в облака
Столько людских поколений!
Дождь над старой деревней.*

Я не стал читать это грустное стихотворение сидящей рядом даме, произнеся его мысленно. Она спросила:

– О чём ты задумался? Что-то тебя печалит?

Я, повернувшись к ней, улыбнулся и, как мне показалось, непринуждённо ответил:

– Так, ни о чём. Пустяки. Не обращай внимания. Просто грустно, что тебе завтра уезжать.

– Я ещё приеду... – пообещала она, погладив мою руку, лежащую на подлокотнике кресла.

И в этом обещании была как раз иллюзия, надежда на новую встречу. И грусть от скорого расставания.

В воскресенье я проводил её на четырёхчасовой паром и совершенно мокрый, потому что на обратном пути уже, казалось, угомонившийся и уставший от самого себя дождь припустил с новой силой, вернулся на дачу. И здесь, в пустом и тихом доме, когда я стоял у порога и наблюдал, как вокруг меня от стекающей с одежды воды образуется лужа, мне сделалось вдруг так грустно и одиноко. И если б не Карасик – эта живая душа, подошедший ко мне и так смешно, с негодованием фыркнувший на лужицу возле моих ног, то было б и совсем невмоготу.

Переодевшись в сухое, подтерев пол, я стал готовить ужин.

Вернее, мне надо было только разогреть еду, уже приготовленную с запасом на несколько дней (в том числе и борщом на обеды) уехавшей сегодня дамой. И, разогревая в небольшой сковородке бефстроганов с гречкой (большую сковороду с этим блюдом, отделив от него достаточную для ужина порцию, я поставил в холодильник), я всё думал об этой даме, о наших с нею отношениях, о том выйдет ли что-то из всего этого... Или, может быть, всё закончится, как в прошлом году, с той, другой, известной дамой?

Пока еда разогревалась на плитке, я сделал ещё салат и налил в жёлтый керамический стакан красного вина. Вчера после бани мы пили с ней вино именно из этих стаканов.

Карасишке сварил кусочки мяса с морковкой – он это блюдо любит, по-моему, даже больше минтая.

Вымыв после трапезы посуду, решил позвонить уехавшей даме. Узнать, как она добралась до дома. И добралась ли уже? Хотя по времени должно бы.

Только я подумал об этом, раздался звонок. Звонила она. Её имя и номер телефона высветились у меня на крохотном экранчике мобильного телефона.

Однако не успели мы сказать друг другу и нескольких фраз, как связь оборвалась.

Я собрался уж было, соответственно погоде экипировавшись, отправиться звонить на Фонарь – это такая горушка над Байкалом, на которой связь всегда устойчива, но снова раздался сигнал телефона. Пришла эсэмэска: «Володенька, связь пропала. Сообщаю: добралась удачно (она уехала на пароме в 15:50, а эсэмэска пришла в 18:30), без происшествий. Чем дальше уезжала от тебя, тем более грустно мне становилось. Целую. Твоя Н.».

Дождь наконец-то перестал. Курятся близкие горы. Из-за плавных полукруглых вершин берёз и осин по их склонам они кажутся все в плавных зелёных кудрях или волнах...

24 июля 2012 года. Вторник. Порт Байкал. 10:25

Вычитал написанное вчера. Отнёс Евгению в подарок срезанный утром гриб. И вот (закончилась паста в ручке, которой начал писать этот рассказ 16 июля, взял другую) приступаю к новым шагам по невидимой лестнице, неведомо

куда ведущей – вверх или вниз. Хотелось бы, чтоб вверх.

Помнится, я обещал рассказать об ещё одной даме. В рассказе их две: известная и неизвестная дама. Однако так и не сделал этого вчера. Не успел.

Надеюсь, что мне это удастся сделать сегодня, поскольку о ней (известной даме) уже было написано в предыдущих вариантах рассказа. И я просто кое-что оттуда включу в канву уже нового рассказа. Итак, фрагмент из предыдущих вариантов:

«16 июля 2012 года, понедельник. Порт Байкал. 10 часов утра

По железной крыше веранды, где я пишу (вернее, пытаюсь начать работать над новым рассказом), сидя за круглым столом у широкого окна слева от меня (и которое жена моя Наташа из года в год всё собиралась проолифить, а затем покрыть лаком; теперь это намереваюсь, правда с тем же успехом, сделать я), то устало (ибо с небольшими перерывами дождь идёт уже третьи сутки), то вдруг озорно и весело, то напористо, как сегодня ночью, не переставая, тарбанит дождь.

На веранде чисто, тепло, уютно.

Я затопил в доме печь, открыв настежь дверь, чтобы сюда шло тепло.

Мне слышно, как ровно поёт огонь, как потрескивают поленья (жаль, что у меня нет каминна, хорошо было бы ещё и видеть этот чарующий танец огня), как протяжно гудит в трубе. Тяга у меня в печи хорошая. Спасибо местному мастеру Саше Деркачу, что он так удачно сложил печь. Я помню, как это было, уже в конце октября. Пасмурно, холодно, сыро. Я был подручным: просеивал и замешивал глину, подавал Саше кирпичи. А он вёл кладку. Причём делал это всё одной рукой. Вторую он поранил дня за три до того бензопилой. К счастью, не очень сильно. Может быть, оттого, что работать мастеру пришлось одной рукой, труба получилась малость кривоватая. Хотя тяги это не испортило.

Гудение в трубе и треск поленьев немного настораживают и даже пугают Карасика. Для него это новые звуки. И он чуть ли не ползком пробирается с веранды в открытую дверь дома, время от времени принохиваясь и прислушиваясь к чему-то, прекращая движение.

Однако любопытство в конце концов берёт верх, и, подобравшись к печной духовке с открытой дверцей, он примерно на расстоянии полу-

метра от неё привстаёт на задних лапках и вбирает в себя, втягивая носом, тёплый воздух, исходящий из тёмного её чрева. А потом, успокоившись, и вовсе ложится на мягкую подстилку раскладного кресла, стоящего напротив неё, и блаженно засыпает в токач тёплого воздуха, исходящего от печи и открытой духовки.

На горе, где стоит моя дача, — ни души.

Кругом только мокрая, прибитая дождём, зелень травы и притихшая зелень листвы деревьев, не колышимая даже лёгким ветерком.

Из трубы у моего ближайшего соседа по даче Женки Серебрянникова вяловато поднимается в серое небо белый игривый дымок.

Труба с этой стороны его дома каминная. Значит, он топит камин. И, возможно, лежит или сидит перед ним на большой, упругой и мягкой одновременно шкуре бурого медведя, которого добыл на Камчатке, глядя на огонь и слушая свой любимый джаз. А может быть, в тиши читая книгу...

Да, именно эта мысль — о читающем человеке, читателе вообще, пусть даже гипотетическом. О том, что кто-то, возможно, и неведомый тебе, прочтёт впоследствии эти строки, которые, если, конечно, мне хорошо удастся это сделать, переживут и меня, и, как это не прискорбно, нашего рыжего кота Карасика, который, съев утром две своих положенных мойвы, сейчас так сладко спит, перебравшись уже на мягкую подстилку рундука. Видимо, у печи ему стало жарко.

Рундук этот — для обуви, дров и прочих некаждодневных вещей — я сделал лет пять назад по просьбе жены, у задней, скошенной, как крыша мансарды, стенки веранды, за лестницей, ведущей на второй этаж, где у нас две гостевые комнаты.

Правда, когда народу бывает много, рундук служит ещё одним дополнительным спальным местом. Но об этом чуть позже. Это будет ещё одна скрытая новелла: «О рундуке и его обитателях»...

А вчера у нас тут, на горе, в отличие от сегодня было весьма многолюдно и, пожалуй, даже весело...

Написал это и отчего-то вдруг вспомнилась Димина фраза: «Мне никогда не бывает скучно. Разве что в большой компании...».

В субботу мы все, трое более-менее постоянных обитателей этой части горы, встречаемся. Женя Серебрянников, отчаянный путешественник, объездивший весь мир. Поработавший в

свое время и на Камчатке, и на Командорских островах. Обошедший на яхте почти все моря и океаны. С недавнего времени предпочитающий проводить зиму на Филиппинах и так объясняющий это своё предпочтение: «Надоели долгие холода. И особенно жуткие здесь декабрь и январь». На лето же он снова возвращается сюда — на Байкал. «Тянет, как магнит железо», — говорит. Женя — давнишний разведенец и давно уже убеждённый холостяк.

Я — вот уже более трёх лет вдовец.

И — Александр Станиславович Маджаров, также близкий наш сосед. Профессор классического университета, а не какого-нибудь там ПТУ (профессионально-технического училища), ставшего в одночасье в девяностые годы прошлого века «университетом» или даже «академией» какой-нибудь. Много сейчас таких развелось. Правда, образование там по-прежнему, как в ПТУ, а диплом университетский. А институтов и вообще ныне почти не осталось. Все метят выше...»

25 июля 2012 года. Среда. Порт Байкал. 9:55

Сел сегодня за стол в 9:35. По обыкновению вычитал написанное накануне. И понял, что я снова ничего не написал об известной даме. Ну, да напишу ещё. Не доходят у меня до неё руки.

Дождя, слава Богу, нет. Хотя, как это ни странно, я, по-видимому, человек дождя. Люблю его. Конечно, если он не двухнедельный. Прав был Парацельс, утверждая: «Всё лекарство. И всё яд. Мера всему цена». В том числе и мера природным явлениям: жаре, дождю, холодам, снегопадам, ненастьям...

«Отчего душе моей сродни пасмурные дни? Отчего люблю песок сыпучий с тёмною полоской у воды? Запах торфа, розовые тучи. В дюнах цапли тонкие следы?» — вот вспомнилось из Игоря Шкляревского, моего любимого поэта. Наверное, потому что и я всё это люблю. Осеннее ненастье, грустное серое небо, улетающих на юг печальных журавлей, бодрящую прохладу коротких осенних дней. И этот неповторимый, грустный, мокрый запах увяданья...

Сейчас на радиостанции «Маяк» прослушал десятичасовые новости, в которых не было почти, как и обычно, впрочем, ничего особо нового.

Где-то в детском саду несвежими овощами отравились дети. Об автомобильных, авиаци-

онных и прочих авариях, отравлениях недоброкачественными продуктами питания говорят каждый день...

А вот уже что-то близкое к нашим палестинам:

«В Бодайбинском районе Иркутской области посёлки Перевоз и Кропоткино остались отрезанными от мира. Затяжными дождями там смыло дороги, а взбухшие реки сорвали мосты, ведущие к этим населённым пунктам...»

«Двухлетний малыш на юго-западе Москвы выпал из окна шестого этажа, когда нанятая родителями няня отправилась готовить обед...»

«В Ставропольском крае у подножия горы Машук найдено тело разыскиваемой девятилетней Ани Прокопенко. Следствием установлено, что девочка была изнасилована, а затем убита...»

«В Шотландии опрошено семьдесят семь тысяч человек. Две трети из них высказались за принятие закона о легализации однополых браков...»

«Чемпион мира по самбо Расул Мирзаев принёс в суде извинение родителям девятнадцатилетнего студента Ивана Агафонова, скончавшегося год назад от его удара, полученного им в центре Москвы, возле ночного кафе...»

«Омск прислал машину гуманитарной помощи Крымску, пострадавшему от наводнения...»

«Сегодня день памяти поэта и актёра Владимира Высоцкого. Спектакль, посвящённый ему, покажет нынешний руководитель Театра на Таганке Валерий Золотухин, давнишний друг и коллега актёра по сцене этого прославленного театра...»

Мне вспомнился 1980 год. Моя первая двухнедельная туристическая поездка за границу, в Германию (тогда ещё ГДР – восточная часть страны, ставшая самостоятельным государством после Второй мировой войны) и Польшу. И как я через две недели возвращался ночным поездом из Варшавы в Союз.

Утром 25 июля на Белорусском вокзале меня встречал мой друг, журналист, работающий тогда в журнале «Советский экран», Андрей Данилов. И первое, что он сказал после того как мы обнялись:

– Высоцкий умер. – И, после недолгой паузы: – У меня есть пропуск для прессы, можем

пойти на Таганку на церемонию прощания. Марина Влади из Парижа прилетела. Да и все актёры театра там будут, во главе с режиссёром Любимовым... Если хочешь, конечно.

– Не хочу, Андрюха. Не хочу его видеть мёртвым.

– Ну, как знаешь. Мне-то всё равно придётся идти.

Встреча наша с давнишним другом оказалась, таким образом, с горчинкой.

Но, оставшись в Москве ещё на какое-то время, чтобы хоть что-то успеть посмотреть из Олимпийских игр, начавшихся, когда я был ещё в Польше, я эту горечь очень быстро рассеял, посещая различные соревнования и чувствуя этот бодрящий дух соперничества, дух Олимпиады. Да и не было, честно говоря, у меня особой горечи. Ведь человек умер от своего же порока.

А через несколько дней Андрюха (я жил в Москве у него) принёс машинописную толстенную рукопись стихов Владимира Высоцкого, которая называлась «Нерв». Под этим названием она потом и вышла отдельной книгой. И помню, как я изумился беспомощности большинства стихов, их несовершенству, их какой-то поспешности, что ли...

Во всяком случае, меня они почти не тронули. Хотя, наверное, класса с десятого я был знаком с магнитофонными (тогда ещё катушечными) записями песен Высоцкого. И от этого многие напечатанные в рукописи тексты знал наизусть. И помню, как они мне нравились в песнях. Точнее сказать, нравились песни. Ибо в них присутствовало некоторое неповторимое сочетание своеобразного, с хрипотцой, голоса; часто оригинальной музыки; и чувствовалось, что блестящего актёрского исполнения. Стихия напора в них была точно.

Вообще я думаю, что Высоцкий прежде всего прекрасный актёр. Вспомните его великолепные роли в фильмах «Короткие встречи» Киры Муратовой, «Вертикаль» Станислава Говорухина, «Служили два товарища», «Место встречи изменить нельзя» да и «Маленькие трагедии» даже... Потом, он очень хороший бард и исполнитель своих песен. Но он, увы, всё-таки, как мне кажется, не поэт. Или, так скажем, весьма средний поэт...

Обычно, прослушав новости на «Маяке», волны которого только и ловятся у меня на даче, я выключаю радиоприёмник. Хотя прежде, в конце

шестидесятых, в семидесятых годах двадцатого века, я так любил эту радиостанцию.

Сколько раз, сидя в каком-нибудь занесённом по самую крышу снегом зимовье, посреди неохватного глазом, даже с вертолёта, зелёного моря тайги, на очередной промысловой практике, я слушал вечерами по транзисторному радиоприёмнику «Маяк».

Раз в полчаса передавали новости. Они в отличие от нынешних – в основном негативных – были по большей части позитивны, даже, можно сказать, оптимистичны! А после новостей до следующего их выпуска минут двадцать пять звучала хорошая музыка.

С некоторых пор (я даже не заметил, когда это точно произошло, скорее всего с середины восьмидесятых годов прошлого века, когда в стране разразилась, как заразная болезнь, так называемая перестройка) «Маяк» превратился в некий клуб говорунов-смехачей обоего пола, обсуждающих порою придуманные ими же несущественные проблемы. Такие, например, как «Своевременная эрекция», «Последние разводы в шоу-бизнесе», «Свобода слова и свобода Интернета»...

Причём разговор ведут, часто перебивая друг друга, два-три ведущих, постоянно хохочущих над своими же, чаще всего пошлыми, шутками. И говорят-то они в основном на некоем сленге, а не на нормальном русском языке. И во что бы то ни стало стремятся рассмешить ещё и слушателей. Будто это и есть их основная задача, чтобы вместе с ними хохотала вся страна.

Одним словом, сборище трепачей, несущих какой-то несусветный бред, слушать который нормальному человеку просто невозможно. «Мир вывихнул суставы», – говорил о подобных вещах Шекспир. Я же от себя добавлю: «Кроме всего прочего, миновала эпоха героев. Настала эпоха лидеров...». А лидер тем и отличается от героя, что ради своей выгоды пройдёт не только по трупам конкурентов, но и своих друзей.

Но я отвлёкся.

Итак, 14 июля, в субботу пришёл Александр Станиславович Маджаров, как я уже говорил, профессор, историк, примерный семьянин, бард... Несколько песен у него написано и на мои стихи. Особенно ему удалась, на мой взгляд, та, в которой есть слова: «Никогда никуда не хочу уезжать. А всегда возвращаться хочу, приезжать...». Эти стихи, ставшие затем песней, я

когда-то посвятил своей жене Наташе в книге «Памяти солнечный зайчик»...

Пожалуй, Сашу можно назвать ещё и художником. Ибо он создаёт из подобранного им на берегу Байкала (во время рыбалки) подручного материала: камешков, стекляшек, деревяшек, обточенных волнами, чудесные картинки – инсталляции. И ещё, может быть, он в какой-то мере литератор, поскольку пишет песни не только на чужие стихи, но и на свои собственные. Пишет и рассказы.

Кроме того, он ещё ведёт на городском радио придуманную и осуществлённую им передачу «Мелодии моей души», очень интересно рассказывая в ней о великих певцах и композиторах, таких, например, как Фредерик Шопен, Исаак Дунаевский, Лидия Русланова, Александр Вертинский, Леонид Утёсов, Пётр Лещенко, Клавдия Шульженко, Марк Бернес, Муслим Магомаев, Валерий Ободзинский, Джо Дассен, Майя Кристалинская...

Список можно было бы продолжить, но и из перечисленных имён видно, что создатель и ведущий данной радиопередачи обладает незаурядным эстетическим и музыкальным вкусом, поскольку в представленном перечне имён нет ни одного из кумиров нынешней, увы, весьма низкопробной эстрады. Да и концерты современных звёзд шоу-бизнеса (точнее было бы сказать, шоу-зверинца) могут запомниться не голосами, а разве что телом. Особенно это свойственно безголосым в большинстве своём нынешним певицам. И я заметил, что чем меньше у «певицы» таланта и голоса – тем больше в её представлении «обнажёнки». Хоть чем-то надо же со сцены выделиться, и если не пленить, то хотя бы ошарашить публику. Вот и удивляют телесами да «подтанцовкой» ещё, кривляющейся рядом с так называемыми певцами, заходящейся в каком-то неистовстве массовой подпевал и подтанцовщиков...

Очередная более чем часовая передача в трёх частях, записанная на радио Александром Станиславовичем, была посвящена Сергею Яковлевичу Лемешеву. Вышла она в конце июня к столетию юбилею певца, родившемуся десятого июля девятьсот второго года.

Причём автор проекта «Мелодии моей души» долго колебался, о ком сначала сделать передачу: о Лемешеве или Викторе Цое, у которого в этом году тоже юбилей. Ему исполнилось бы пятьдесят.

Пересилил всё же Лемешев.

О нём Саша и заговорил со мной, навестив перед обедом.

Мы сидели на ступенях крыльца, смотрели на Байкал и неспешно говорили о том о сём. Вернее, в основном говорил Александр, а я прилежно слушал:

– Представляешь, и центральное телевидение, и основные радиоканалы лишь вскользь упомянули о юбилее Лемешева. Зато о Цое трещат с утра до вечера. Но согласишься, что это отнюдь не равнозначные фигуры?

В знак согласия я кивал головой. Хотя согласия особого Саша от меня и не требовал, продолжая говорить:

– Цой, конечно, талантливый человек, но Лемешев-то – глыба! Давайте соберёмся сегодня и хотя бы с опозданием отметим его юбилей. Заодно можем и передачу о нём послушать. Я диск с собой из города прихватил. Как ты?

– Саша, ты же знаешь, что я по субботам топлю баню. Женька, насколько мне известно, тоже собирается баню топить. Во всяком случае я видел, что он ходил в лес за пихтовым веником. Так что не хотелось бы эти два мероприятия совмещать. Удовольствия ведь надо не сжимать, а растягивать по возможности. Давай послушаем твою передачу завтра. Тем более что она совсем не короткая.

– Можно и завтра, – как-то спокойно согласился Александр. – К тебе, кстати, на выходные никто не приедет?

– Надеюсь, что нет. Вчера звонила одна знакомая, кстати, в том числе и тебе по прошлому году, дама. Спрашивала, не могу ли я приютить её с подругами на два дня? Одна из подруг – балерина из Киева, а не какой-нибудь там тебе «зубной техник», как было у Остапа Бендера в «Золотом телёнке». А вообще их собиралось вместе с ребёнком прибыть шесть человек! Получилось бы почти по две дамы на брата. Но я отказал.

– Почему?

– Потому что невозможно, Саша, как говаривали философы, дважды войти в одну и ту же реку. Посоветовал им устроиться внизу, в гостинице «У ручья».

– Анна, что ли, собиралась приехать? – догадался он, о ком речь.

– Ну да...

– В прошлом году мы с Женькой думали, что у вас всё сладится. Особенно, когда её очеред-

ные весёлые подруги уехали, и вы остались вдвоём...

Я не стал ничего отвечать, и мы ещё какое-то время посидели на крыльце молча. А потом отправились к Женьке договариваться на завтра. Тем более что компьютер, на котором мы могли бы прослушать передачу, был только у него.

Женька легко согласился с нашим предложением устроить небольшой выпивон и обед в складчину, предупредив, однако, что к нему на выходные должна приехать «знакомая тётянка», медсестра из той больницы, где он лежал по весне с какой-то болячкой.

– Скоро уж пойду к парому, встречать её. А потом в баньку свожу да веничком пихтовым для приятного телесного аромата отхожу как следует. Кстати, она наполовину тунгуска, – не без гордости добавил он. – Экзотика, мужики! – даже зажмурился Женька от своих предчувствий. – Думаю, Аюна нам не помешает. Человек она тихий, спокойный, не в свои дела не лезет. Тем более что для неё у меня вся ночь. А для вас – весь день.

– Не перетрудись, дружище, при таком-то круглосуточном графике, – пошутил я.

– Постараюсь, – хитро улыбнулся он. И добавил: – Так что чисто мужской компании не получится, уж извиняйте, мужики.

Договорились встретиться назавтра, в час дня, предварительно купив пива, хлеба, овощей и копчёного омуля. Дабы, неспешно попивая одно и поедая другое, с ещё большим удовольствием слушать песни в исполнении Лемешева, с необходимыми комментариями Александра Станиславовича, «нарытыми» им для передачи из разных и обычно малоизвестных источников...

26 июля 2012 года. Четверг. Порт Байкал. 10:30

В девятом часу, когда я готовил завтрак (батон, масло, сыр, колбаса, кофе, несколько долек чеснока, салатик из помидор, лука, огурцов), с того берега позвонил мой шурин Саша и сообщил, что они с его приятелем Лёшей везут мне доски – сороковку, которые я давно заказывал для прожилин забора. Ещё он известил, что на восьмичасовой паром им попасть не удалось – было слишком много машин. Так что приедут одиннадцатичасовым. Не знаю, как они заберутся на гору. Всю ночь опять лил дождь. Дорога раскисла.

Узнав о приезде гостей, решил обойти участок и собрать им в подарок грибов (поскольку уезжают они сегодня же четырёхчасовым паромом), чтобы они дома их поджарили с картошечкой. Изумительная вкуснятина!

Минут за пятнадцать собрал двадцать два гриба! Подосиновики, подберёзовики, два белых и один маслёнок, вылезшие после ночного дождя. Да всё ядрёные такие!

10:40. Начну вычитывать то, что написал, а вернее переписал из написанного вчера. Там шесть с половиной страниц. Переписывать всегда ведь легче, чем писать. А я вчера в основном переписывал из ранее написанных вариантов.

Кстати, вчера напыхался после обеда за три с половиной часа, делая в доме черновой пол. В полусогнутом состоянии, на карачках так работал под полом уже сделанным, беловым (хорошо, что хоть люк я в нём в своё время оставил), что уснул в половине девятого вечера чуть ли не с книгой в руках. А сегодня проснулся, и то с трудом, почти в восемь, а не в половине восьмого, как обычно. Проспав, значит, больше одиннадцати часов.

11:40. Снова позвонил Саша. Они уже переправились на нашу сторону. Пойду их встречать. Потом буду кормить. А потом будем разгружать доски. Только бы они забрались сюда...

27 июля 2012 года. Пятница. Порт Байкал. 9:25

Заметил, что сегодняшнее число и номер страницы, на которой пишу, совпадают. Может быть, это добрая примета и писаться будет легко? А то вчера ведь так ничего почти и не сделал.

...Пятнадцатого июля, в воскресенье, с утра, как обычно, я пошёл в строящийся неподалёку от моего участка храм Преображения Господня.

Верхний придел, сооружаемый из брёвен, ещё строится. А нижний, сложенный из кирпича, уже готов. В нём-то и проходят субботние (вечером) и воскресные (утренние) службы.

По дороге к храму, до которого от моей калитки не более ста шагов, я вспомнил, как с молебна и закладного камня, кажется, в две тысячи шестом году начиналось его строительство. И как мы с Наташей радовались тому, что рядом с нами будет церковь. А какое-то время спустя мы ходили с ней на первую службу. Девятнадцатого августа, лет пять, наверное, назад, в день храмового праздника – Преображения Господня.

Тогда ещё стояли только недостроенные до конца кирпичные стены первого этажа с пустыми оконными проёмами, в которых синело летнее небо. Не убраны были и строительные леса. А кое-где из утрамбованной ногами глинистой земли торчала арматура. Но день был такой чудесный, яркий, солнечный, нежаркий. И совсем старенький батюшка, отец Николай из храма, расположенного на другой стороне озера, в посёлке Листвянка, в своём светлом облачении, у импровизированного амвона казался таким нарядным и торжественным! И народу собралось немало. В основном писатели и художники, живущие летом здесь, в Порту Байкал, называемом с лёгкой руки журналистов, любящих всевозможные сравнения, Иркутским Переделкино.

Были на той службе и телевизионщики из Иркутска и Слюдянки, снимающие весь процесс первой литургии.

И небо над нами было такое синее-синее, глубокое-глубокое, бесконечное. И, глядя в эту бесконечность, легко верилось в вечность. И в этом бесконечном, вечном небе надо всеми нами, не на такой уж большой высоте, плавно, неспешно парили два коршуна. И отчего-то казалось, что оперение у этих больших птиц было белое.

– Да, а Геночку-то нашего сегодня уже похоронили, – услышал я негромкий голос за своей спиной.

Обернувшись, узнал колоритного, с седой опрятной бородой, серебристыми, волнистыми, густыми волосами и голубыми, как это небо, глазами художника и писателя Валерия Нефедьева («Как я его сразу не заметил?»), прибывшего на праздник на автобусе из Иркутска вместе с телевизионщиками.

Я сразу понял, что он говорит о поэте Геннадии Гайде, моём соседе по дому в городе. Последние года два Гена болел – рак. И всё равно всё это – его уход – было хоть и ожидаемо, но неожиданно, тем не менее.

– Как – умер?! – тоже шёпотом спросил я, не придумав ничего другого. И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Я же звонил ему и Денису несколько дней назад. Они собирались ко мне на дачу приехать на недельку. Погостить. Подышать свежим воздухом.

Денис – это сын Гайды, священник из Питера, ухаживавший за ним в последние дни.

– Не приедут теперь, – как-то нехотя ответил Валера, неотрывно глядя на красиво и гордо парящих в небе птиц...

Значит, первая служба, судя по дате смерти Гайды, была в две тысячи восьмом году.

А может быть, я что-то перепутал. И, возможно, это была вторая служба в недостроенном храме. Потому что точно помню эти праздничные литургии среди стен без крыши, которых было две. И ничто ещё тогда не предвещало чёрного для меня две тысячи девятого года, когда не стало Наташи.

На службе в храме я и встретил всех дам, намеревавшихся накануне остановиться на выходные у меня.

Именно об этом просила меня Анна, позволив дня за два до нынешних выходных и сообщив, что к её лучшей подруге Татьяне, «с которой мы были у тебя, помнишь, в прошлом году, приехала из Киева её свекровь».

– Бывшая балерина, между прочим, – не давая мне вставить даже слово, продолжала Анна. – И очень хороший, кстати, интересный человек. Мать мужа Татьяны Руслана. Мы хотим показать ей Кругобайкалку*. В субботу на воскресной электричке мы приедем из Иркутска в Слюдянку, а оттуда – в Порт. И нам там надо будет где-то переночевать одну ночь, – по-прежнему слышал я в мобильном телефоне приятный, неторопливый, но без пауз голос Анны, когда-то так нравившейся мне.

Я сидел на верхней ступени лестницы (люк, открывающий вход в коридорчик гостевых комнат второго этажа, был откинут), где связь была более устойчива.

– А сколько вас будет? – перебил я Анну.

– Пять или шесть человек, – невинным голосом ответила она. – Я, Татьяна, её сын Гриша, ты его тоже должен помнить, мы с ним и Татьяной к тебе приезжали. Правда, он сейчас здорово вырос. Почти молодой человек. Лидия Александровна, – по-видимому, вспомнив о моём вопросе, продолжила она, – сестра Татьяны Наталья и подруга сестры Света.

«Всё как всегда, – подумал я. – Лучшая подруга Таня, не лучшая подруга Зина или Клава, а с ними чей-то ребёнок, которого я должен помнить, потому что он гостил у меня с мамой!»

– Вино, еду, постельное бельё мы привезём с собой, так что тебе никакой мороки с нами не будет, – закончила Анна мажорно.

– Аня, – проговорил я в наконец-то образовавшуюся паузу, но в отличие от Анны без всякого мажора и энтузиазма, – ты же знаешь, мне столько человек не разместить. У меня только пять стационарных спальных мест для гостей, учитывая и рундук на веранде.

– Ничего страшного, – оптимистично подхватила она. – У тебя же, насколько я помню, в двух комнатах на втором этаже по две кровати в каждой. Таня с Гришей на одной улягутся, он всё-таки ещё не такой здоровый парень. Свекровь – в комнате с ними на второй. А мы трое вповалочку в соседней комнатке устроимся. Или кого-то по жребии отправим спать на рундук. Да я и сама могу там примоститься. Ближе к тебе буду**. Вернее, к твоей запертой в дом двери. Ты же в дом никого не пускаешь, – кокетливо закончила Анна распределение мест. Хотя, конечно же, помнила, что в доме мы с ней тогда и жили, когда остались одни. В первую неделю осени. И это была осень на двоих. И баня – на двоих. И – кровать...

Когда-то мы были очень близки с этой девушкой, несмотря даже на более чем двадцатилетнюю разницу в возрасте...

Тогда, в их первый приезд ко мне на дачу, я уже более года был вдовцом. И никак не мог избавиться от постоянно гнетущей меня тоски по жене, которой мне так недоставало. Наверное, так же калеке до конца дней его недостаёт, может быть, когда-то очень давно отрезанной руки. И любая вещь, напоминающая мне о ней, – собранные на берегу Байкала во время нашей прогулки маленькие цветные камешки, положенные потом в пустую солонку, так и оставшуюся стоять на столе; книги с её карандашными пометками; берестяной «обруч» для волос, вызывали у меня душевную тоску. В такие минуты мне казалось, что уже закрывшаяся было рана открывалась вновь, причиняя мне прежнюю боль.

И тут, на излёте лета приехала Анна с Татьяной, её сыном Гришей и ещё какая-то их подруга, имени которой я не запомнил. Но зато запомнил, что у неё был просто шикарный бюст, который она не очень-то и старалась скрывать под назойливыми одеждами. Как удачливый игрок не скрывает, что у него имеется козырный туз.

Ещё помню, что последний день лета, тридцать первое августа, пришёлся тогда, кажется, на воскресенье. Точно, воскресенье, потому что

* Старая железная дорога, идущая вдоль Байкала от Порта Байкал – если двигаться на восток – до Слюдянки.

** Когда-то я серьёзно воспринимал её слова.

накануне была баня. Сначала парились дамы, а потом мы с Гришей.

И тот субботный день, помнится, был очень тёплый. И когда мы вышли из бани, на полянке уже стоял стол и две лавки. Над углями костра неподалёку, источая дразнящий аромат, румянились на шампурах большие куски мяса, перемежающиеся луком и дольками помидора. Красное вино было в тёмных бутылках, водка, пиво, зелень. Да, широко решили девушки отметить банный день! И помнится ещё, что после долгого застолья, в сумерках, когда полянка, на которой мы расположились, освещалась уже только светом из окон близкого дома и веранды, я отправился спать, оставив гостей у догорающего костра одних. И как ещё долго потом в открытую, с сеткой от насекомых форточку окна были слышны песни, распеваемые неугомонными дамами. А иногда вдруг наступала тишина и через какое-то время слышался их дружный и весёлый смех.

Но я отвлёкся. Итак, в последний день лета, после отнюдь не раннего завтрака мы все отправились на Белые камни. Вершина скалы у истока Ангары. Оттуда открывается чудесный вид на Байкал, на его противоположный берег, такой близкий здесь, и быструю Ангару, и Шаман-камень, торчащий из воды на середине реки, стремящейся к Енисею, прочь от старика Байкала. Помню, что мы все уселись на эти тёплые от солнечного света камни и любовались просторным видом, открывающимся сверху.

– Владимир, у тебя же есть стихи, посвящённые последнему летнему дню. Прочти, пожалуйста, а я запишу это всё на камеру мобильного. Только прочти с выражением, как ты можешь, как вчера нам читал, – попросила Анна.

– Аня, стихи надо читать не с выражением, а выразительно, – ответил я, отчего-то вспомнив, как мы с ней вчера в комнате на втором этаже первый раз поцеловались. Оттуда ей вздумалось полюбоваться звёздами, и она попросила меня проводить её, когда я уже засобирался уходить в дом спать.

– А то ещё грохнусь где-нибудь на лестнице спяну! – смеясь, проговорила она. – Поскольку, стакана два вина я сегодня под шашлыки выпила, а для меня это очень большая доза.

И как это было неожиданно для нас обоих. И трепетно, и волнующе. Этот первый, такой ещё робкий, разведывательный поцелуй...

– Ну, читай выразительно, – согласилась она, пребывая в какой-то несвойственной ей глубокой задумчивости.

И ещё я вспомнил, что стихотворение, которое Анна просила меня прочесть и которое было напечатано в книге «Сестра моя, Осень» (там, наверное, она его и углядела), было написано аж в семьдесят втором году. Анна тогда, пожалуй, только родилась. А я после окончания института служил, вернее, проходил трёхмесячную военную подготовку в унылой степной местности – Читинской области, в Оловянинском районе, недалеко от села Безречное. Там у меня на шее выскочил чирей и сержант – солдат-срочник – отправил меня в госпиталь, который находился километрах в двух от нашей единственной казармы, стоящей в степи возле тоже единственной, старой берёзы, выросшей когда-то очень давно у стены казармы, с её подветренной стороны. Народу на приём к врачу было немало, и я вышел из тесного коридорчика, где на стульях сидели люди, не желающие выходить под дождь, во двор госпиталя, договорившись, что меня крикнут, когда подойдёт моя очередь. Помню, что я присел на корточки у дощатого забора, оголаживающего небольшой пустырь с беседкой, прилегающий к барaku госпиталя, весь заросший полынью. Ещё помню, что нам уже выдали шинели. Хотя как там у поэта?

*И листья ещё не истлели,
И шапка ещё не нужна,
но
всё-таки
выйти в шинели
вчера приказал старшина.*

*Мне так она впору сегодня,
под дождиком этим сквозным,
и пахнет зимой прошлогодней
и потом,
ещё не моим.*

И вот я сидел у серого забора в серой солдатской шинели, не желая пробираться через сплошные заросли полыни к беседке, вдыхая запах полыни и радуясь несильному, едва морозящему дождю, сбивающему с травы серую пыль, и тому ещё, что в шинели мне было тепло. И вдруг среди этого пасмурного неласкового дня я вспомнил, что нынче тридцать первое августа, последний день лета. И что уже в конце сен-

тября нам присвоить звание лейтенантов, и мы вернёмся домой... И тут же на подобранной у забора и, как ни странно, почти сухой пачке «Беломора», разорвав её, на внутренней стороне, где не было рисунка, я написал карандашом, огрызок которого всегда лежал у меня в кармане гимнастёрки, это вот стихотворение:

*Августа последний день.
Завтра лето кончится.
Ну а людям всё равно
Ещё лета хочется.
Ещё хочется тепла
И любви нечаянной.
Ветер в тополях разлит
Музыкой прощальной...
День последний, не спеши.
Дай ещё нам света.
Здравствуй, осень.
Здравствуй, грусть.
До свиданья, лето...*

Это стихотворение я и прочёл там, на Белых камнях...

Вечером того же дня Татьяна уехала в город. Ей надо было завтра, первого сентября, вести Гришу в школу на торжественную линейку. С ней укатила и пышногрудая Зинаида (наконец-то вспомнил, как её звали), которая так и не сумела уговорить меня сделать ей после бани массаж позвоночника. «Чтоб от шеи и аж до самого копчика, хотелось бы всё промять, а то спина порою что-то плохо слушается, – говорила она кокетливо, нараспев. – Тем более что девки наши, знаю уж, парильщицы так себе, через полчаса выскочат из бани. А я вас там, на полочке, дождусь. Вы наверняка сможете сделать хороший массаж, руки-то у вас вон какие сильные. Ну, а за труды сии тяжкие я вас уж как-нибудь отблагодарю». Увы, ей в понедельник надо было на работу и, значит, тоже надо быть в городе. А то, глядишь, до чего-нибудь и договорились бы...

Помню, что перед тем как отправиться на паром, Татьяна (наотрез отказавшаяся, чтобы мы провожали её: «Что это вы вниз с нами потащитесь, а потом опять на гору. Сами дойдём, не маленькие»), лукаво улыбаясь, напутствовала нас с Анной:

– Вы только тут себя без нас хорошо ведите. А вы, Владимир, Анечку не обижайте. Она у нас девушка славная и доверчивая.

– Не обижу, не волнуйтесь, – пообещал я.

Как только гости скрылись за калиткой, мы поднялись на второй этаж и начали целоваться. Причём с такой поспешностью, таким жаром, такой неутолённостью, будто два влюблённых человека наконец-то встретились после тягостной долгой разлуки. Губы подолгу не хотели размыкаться. И руки искали рук. И мне подумалось в тот дивный миг, что, может быть, Господь сжалился надо мной, послав эту девушку, с которой мы были едва знакомы, встречаясь до этого ежегодно, раза три наверное, лишь на дне рождения нашей общей знакомой, очень весёлой и компанейской женщины Жанны Богдановой, диктора Иркутского городского радио.

– А знаешь, что ты меня однажды спас? – шёпотом спросила Анна, когда мы уже спустились в дом и, тоже поспешно, расположились там на кровати.

– Каким это образом? – искренне удивился я, чувствуя к этой прильнувшей ко мне всем телом девушке, превосходившей меня по росту, просыпающуюся влюблённость и нежность. Будто чувства мои вдруг очнулись от долгого летаргического сна и стали реагировать на действительность, не утопая больше, как в трясине, в беспросветной и вязкой тоске, сосущей моё сердце, словно леденец.

Тем более что это была первая, самая приятная стадия влюблённости, когда ещё не ощущаешь себя пленником завладевшего тобою чувства. И когда предстоящее расставание совсем ещё не тягостно. Ибо после него остаются такие приятные воспоминания, а продолжение дальнейших отношений почти не мыслится.

На полу играли бледные лунные блики. Было тихо и хорошо. Наверное, оттого что спокойно.

– Я лежала в больнице, – продолжила Анна наш неспешный ночной разговор, – и мне было так плохо. Обнаружился застарелый аппендицит, готовый в любую минуту лопнуть, отчего исход предстоящей операции был неясен даже врачам, а уж мне-то тем более. И мог быть разным, в том числе и «с летальным исходом», как пишут в медицинских заключениях, когда пациент отправляется на тот свет. И тут Жанна, навестившая меня перед операцией, дала мне почитать твою книгу «Предчувствие чудес».

– Хорошая книга, – чувствуя лёгкую, приятную усталость после той бури чувственных неистовств, которая только что улеглась в нас обоих, вставил я. – И издатель её выпустил очень хороший – Гена Сапронов, царствие ему небесное.

– Так вот, я читала её и перед операцией, и после. И чувствовала, как во мне что-то меняется к лучшему. Появляется не надежда, а твёрдая уверенность в том, что всё будет хорошо. И мне самой от этого становилось так хорошо и спокойно, – машинально вода указательным пальцем по моей не слишком волосатой груди, говорила Анна. – Я тебе потом несколько восторженных эсэмэсок отправила, после операции, когда пошла на поправку. Мне Жанна твой номер мобильного телефона дала. Но не на одну из них, увы, ответа так и не получила. Ты что, их не читал? – приподнялась она на локте, заглядывая мне в лицо.

– Читал, – ответил я.

– А почему тогда ничего не ответил?! – с ещё большим изумлением спросила она. – Тебе же это должно было быть по идее приятно, что у тебя появился новый, да ещё такой восторженный читатель?

– Я не умел. Да и сейчас не умею писать и отправлять эсэмэски. Я ведь по сравнению с вами, молодыми, просто какой-то шерстистый носорог, вытаявший из вечной мерзлоты. И для меня мобильный телефон (который мне когда-то почти насильно купила моя жена Наташа, «чтобы не был на даче оторван от нас и от внешнего мира») – это лишь приспособление, по которому я могу с кем-то поговорить, нажав при вызове известную мне кнопку. Остальные его функции мне неведомы.

– Тундроид! – развеселилась Анна. – А я-то не на шутку обиделась. Думаю, такие хорошие рассказы! И такой чёрствый человек их пишет.

Склонившись ко мне, отчего я почувствовал упругость её небольшой, такой соблазнительной груди и бархатистость кожи, она поцеловала меня долгим нежным поцелуем. Ответить на который у меня уже просто не было сил.

– Спишь? – снова приподнявшись на локте, спросила Анна.

– Задрёмаваю, – продираясь сквозь пелену сна, ответил я.

– Ну давай будем спать.

Она снова всем телом прильнула к моему боку. И, взявшись за руки, мы уснули, не желая расставаться даже во сне.

30 июля 2012 года. Понедельник. Порт Байкал. 10:10

Сегодня проснулся в 7 часов. Начал работать в 9:35. Вычитал предыдущий фрагмент,

написанный двадцать седьмого, в пятницу. Пятница у древних римлян считалась днём Венеры, богини любви.

А сегодня, кстати, месяц, как я приехал на дачу. Это было тридцатого июня, в субботу. Поэтому, открыв в доме ставни, я сразу же стал топить баню, чтобы не нарушать субботнюю традицию...

А нынешние выходные, приехав ближе к вечеру в пятницу, у меня гостили Дима и Света.

И после бани, двадцать восьмого июля, мы с ними справляли мои именины. Ведь это день Равноапостольного великого киевского князя Владимира – крестителя Руси.

А днём в субботу, до бани, я в тот день неожиданно получал ото всех подарки.

Маджаров, которого я навестил, отправившись за пихтовым венком в лес, подарил два банана и персик.

– По банану вам с Димой, а персик Свете, – сказал он, кладя дары в пакет.

Саша Деркач – местный житель, встретив меня в магазине, куда я отправился за пивом, и узнав, что у меня именины, затащил к себе домой. Благо домик его недалеко от магазина. Выдал литр козьего молока (он держит козу) и дал одного малосольного омуля.

– Да, Саша, – пошутил я, – подарочек у тебя такой, что если всё это употребить одновременно – трёхдневная свистуха точно будет обеспечена.

– Ничего, организму зато прочистишь, – улыбнулся он. – Я вот уже полгода не пью, – без плавного перехода переключился он на главную свою тему, – так он у меня теперь такой почищенный, будь здоров!

Академик Гудков, мимо старой дачи которого я проходил (она теперь принадлежит его дочери Миле) и с которым я остановился поздороваться, завёл в дом. Налил себе и мне порюмке водки и угостил на закуску... мороженым, достав его из морозильной камеры холодильника.

А вечером приехавшие соседи по даче, Пётр, его жена Светлана, дочь Лиза и малолетняя, недавно родившаяся у них Аня, пришедшие навестить меня, узнав об именинах, быстренько отправили Лизу домой, и она через какое-то время принесла довольно большой остаток брусничного пирога.

Вручив пирог и пожелав мне всего хорошего, соседи откланялись, а мы сели ужинать,

радуясь тому, что наконец-то остались одни. Тем более что от большой сковороды, поставленной на стол на специальную металлическую подставку, так аппетитно пахло грибами и жареной картошкой. Грибы Света собрала днём на нашем участке.

И только мы приступили к еде, разложенной Светой по тарелкам, и пригубили по нескольку глотков каберне, как с весёлыми шутками и смехом на веранде появилась моя давнишняя приятельница Нина Максименко, тренер по стрельбе из лука, с которой мы в девяносто третьем году принимали участие в велопробеге Пекин – Париж. А рядом с ней нарисовалась и Людмила Адаскина, её подруга, главный бухгалтер областного спортивного комитета. Они приехали на Байкал на выходные, остановились в гостинице «У ручья», но, вспомнив о моих именинах, решили подняться на гору, прихватив с собой бутылочку мёдуухи, куриные котлеты и черёмуховый морт.

– Мы пришли тебя поздравить! – хором, как пионеры на линейке, проговорили они.

– Ну, пришли, так садитесь, – ответил я. – Мы как раз приступаем к трапезе. Молодцы, тоже пришли.

Вечер прошёл очень хорошо и весело. Но всё-таки совсем хорошо стало, когда мы остались втроём, вернее вчетвером: я, Дима, Света и Карасик, которого они зовут Рыжик...

Вчерашний воскресный вечер был уже не таким весёлым, как субботний. Все разъехались. И мы с Карасишкой снова остались одни. Ох уж эта пытка расставанья с близкими людьми... Грустно... И это ещё в лучшем случае.

А сегодня чувствуется, что загрустил и наш котик. Всё ходил, искал повсюду Диму, у которого провёл на руках или коленях почти два дня. Дмитрий его спаситель. Это он подобрал рыжего года два назад на городской набережной совсем малюсеньким, слабым, он от истощения и пицать-то уже не мог. А только разевал беспомощно розовый ротик, глядя на ноги проходящих мимо людей. Голову он от слабости тоже поднять не мог. Проходившие мимо люди смеялись, шутили, и никому не было дела до беспомощного, маленького – не больше мячика для большого тенниса – бездомного рыжего котёнка, без сил лежащего у парапета набережной...

И его счастье, что и Дмитрий гулял в этот день по набережной.

«Как же я мог его не подобрать, – оправдывался потом передо мною сын, – всё-таки живая душа».

И сегодня Рыжик (эта живая душа) так и оставался по своим повадкам и поведению котёнком, не получилось из него вальяжного, ленивого кота. Он то забирался на второй этаж, смешно перебирая лапками на ступенях лестницы, то устремлялся в дом, при этом время от времени жалобно мяукал, принюхивался к оставленным Димой тапочкам, ложился на них. А потом, найдя оставленную на кресле в доме футболку сына, улёгся на неё и уснул...

Итак, мне осталось жить на даче ещё три недели.

Девятнадцатого августа, в храмовый праздник местной церкви, я уеду в город. Поскольку уже двадцатого августа, мы с Н., которая здесь для всех числится неизвестной дамой, отправляемся до двенадцатого сентября в Туапсе, к её тёте. Отдохнуть, позагорать, покупаться в Чёрном море. Причём в оба конца мы едем поездом, в двухместном купе! Туда пять дней и обратно столько же. Благо, что билеты куплены в оба конца. Так что здесь, на даче, я смогу появиться только после семнадцатого сентября, когда вернусь в Иркутск.

Причём уже второй раз летом я не буду присутствовать на храмовом празднике.

Года два назад меня уговорил «прервать моё дачное безвылазное сидение» «на пару дней» Андрей Григорьевич Румянцев, профессор Литературного института имени Горького, народный поэт Бурятии. И просто хороший поэт. Сообщив, что нас пригласили в Кутулик на празднование какой-то его некруглой годовщины, а заодно и на очередной день рождения рано ушедшего из жизни драматурга Александра Вампилова, прожившего в этом посёлке все детские и юношеские годы, вплоть до поступления в Иркутский госуниверситет, где тогда учились ставшие впоследствии известными всей стране писателями Валентин Распутин, Ким Балков, Виталий Зоркин, Юрий Скоп, Вячеслав Шугаев и другие.

– Тебя, – уточнил Андрей Григорьевич, – приглашают, поскольку ты родился в Кутулике, а меня – как однокурсника Вампилова. Кстати, Кутулику в этом году двести тридцать пять лет, – добавил Румянцев, – и админи-

27

страция посёлка решила приурочить празднование посёлка ко дню рождения Сани. Машина будет, – продолжал Андрей Григорьевич завлекать меня по телефону, зная, как я не люблю летом уезжать с дачи даже на несколько дней, особенно, если пишется. У меня обычно так: раз заехал – раз выехал. И всё лето здесь, на горе. – Так что и туда привезут, и обратно доставят. Даже конные бега грозятся для почётных гостей устроить! А мы с тобой там почётные гости, как заверил меня глава поселковой администрации, мой старинный приятель, кстати. Соглашайся.

Ну я и согласился, тем более зная бурятское гостеприимство.

И всё было именно так, как говорил Андрей Григорьевич. И бега тоже были. И мы с Румянцевым даже поставили ставки на лошадь по кличке Авантюрист, полагая, что в наше время именно люди такого склада и добиваются в жизни успеха и власти. Отчего же тогда и лошади с подобным именем не прийти к финишу первой?

К счастью, мы оба ошиблись, а потому и проиграли, поскольку у лошадей всё ещё было по старинке. Как в добрые старые времена. И победы поэтому у них доставались лучшим.

Однако пора вернуться к основному сюжету повествования.

Итак, следующий отрывок, из ранее написанного.

...Через какое-то время мы с Анной оба крепко уснули. И я чувствовал, что продолжаю глупо и счастливо улыбаться даже во сне. И с одной стороны, уже полусонным нетвёрдым сознанием я ощущал себя почти счастливым, а с другой – в какой-то мере предателем по отношению к Наташе, хоть и ушедшей в мир иной. «Но ведь Бог не есть Бог мёртвых, но Бог живых, ибо у него все живы». И мы ведь с нею были венчаны. И я даже подписал ей свою книгу «Формула красоты», вышедшую незадолго до нашего венчания в Богоявленском храме, так: «Наташе, в день нашего венчания 22 июля 2001 года, в первый год третьего тысячелетия. Ибо венчание – это когда хочется быть с любимым человеком не только при жизни, но и после одной...».

Наташа отчего-то всегда просила подписывать ей мои новые книги.

* Вампилов родился 19 августа 1937 года, а за два дня до своего 35-летия утонул в Байкале, в 1972 году.

– Зачем тебе это? – как-то спросил я её.

– А я про тебя, когда буду на «пензии», мемуар напишу, – почти серьёзно ответила она.

И ещё, хоть и во сне, я всё же чувствовал, что стройные ноги Анны значительно длиннее моих. Впрочем, ни разница в росте, ни в возрасте не казалась нам в те дивные минуты чем-то существенным, способным как-то повлиять на наши отношения.

А потом, после первой сентябрьской недели, проведённой вдвоём, во время которой она не раз шутила: «Если не можешь жениться на мне, то хотя бы удочери, чтобы нам не надо было расставаться», она уехала, и я остался один.

Чего-чего, а одиночества у меня в последнее время всегда в избытке. Были, конечно, и частые звонки, и длинные эсэмэски, приходившие от неё по нескольку раз в день. Но разве всё это, даже голос с его таким приятным, необычным тембром, могут заменить присутствие близкого человека?

А когда в начале октября мы встретились в городе, всё было уже как-то не так. По-другому. И я вдруг понял, что та неистовая недельная гроза, закружившая нас на даче в тёплые сентябрьские дни, когда казалось, что вот она, «осень на двоих» в чистом виде, как это прекрасно описано в очень светлой и лиричной повести ещё одного нашего не очень дальнего соседа по даче Владимира Жемчужникова, ушла куда-то. Как уходит по громоотводу в землю электрический заряд, исчезающая там бесследно. И никаких больше искр между нами ни от соприкосновения рук, ни от соприкосновения губ не возникало. И губы, и руки будто омертвели и уже не принадлежали нам.

«Что-то кончилось...» – это уже рассказ Хемингуэя, который так точно сумел описать, даже не увядание, а внезапное, ничем не объяснимое порою исчезновение любви. Или пусть даже влюблённости, уходящей навсегда в никуда...

Анна всё никак не могла определиться со своей прежней привязанностью к женатому человеку, о котором я узнал, уже вернувшись в город.

– Понимаешь, я не могу его выкинуть из сердца. А он не может расстаться с женой, потому что она стала калекой после автомобильной катастрофы, когда за рулём был он. И с тобой я тоже не могу и не хочу расставаться, – позвонив, начинала она разводить очередную мокрень. И мне каждый раз казалось, что её слёзы неостановимы и обильны, что вот-вот начнут капать из трубки моего домашнего телефона и

28

замочат мне ухо. — Я тебе очень благодарна за ту чудесную неделю на Байкале. Я даже думала, что она окончательно излечила меня от моей ненормальной любви...

Однако быть лекарством от любви, пусть даже сильнодействующим, мне не хотелось.

К тому же во время наших нечастых теперь встреч Анна стала воспринимать себя порою по отношению ко мне неким бесценным, очень капризным и очень дорогим к тому же подарком. Но драгоценных подарков я, во-первых, ни у кого не просил. Даже у судьбы. А во-вторых, драгоценностей я не люблю. Может быть, поэтому вскоре Анна стала для меня как все. Вернее, как многие мои знакомые, долгие или не очень. И с трудом уже верилось в то, что была и страсть, и влюблённость, и нежность (именно в такой последовательности). Хватило, оказывается, всего нескольких эпизодов и нескольких встреч в этом осеннем стылом городе, чтобы всё предыдущее развеялось и улетучилось, как дым.

И теперь, разговаривая с ней по мобильному телефону, я её именно так и воспринимал. Как свою приятельницу, не более того.

— Нет, Аня, не получится, — ответил я уже окончательно на её настойчивый, несколько раз произнесённый уже до этого вопрос: «Сможем ли мы у тебя остановиться?». — Ко мне должны приехать гости, с которыми мы договорились заранее, — соврал я.

— Жаль, — обескураженно и как-то беспомощно, что так было не свойственно ей, ответила она. — У тебя там, на горе, так здорово. Такой вид чудесный. Придётся в гостинице в посёлке устраиваться. Где кругом коровы, коровьи лепёшки с соответствующими запахами, собаки, грязь и люди...

Людей она поставила в конце своего перечня. После коров, собак, лепёх и даже грязи. Ибо только человек может так нагадить другому человеку, что никакому животному и не снилось.

— А у меня сегодня день рождения, — не очень весело сказала Анна, когда мы после службы вышли из храма и остановились неподалёку от него, пока её подруги, задержавшись в свечной лавке, покупали там какие-то книги. — И хотя ещё один очередной прожитый год — это не повод для веселья, но тебя я видеть рада. Буду считать, что это мне подарок ко дню рождения. А то могли бы ведь и не встретиться вовсе.

В тоне её голоса, во взгляде, в каком-то кротком поведении проклянулось что-то от той, прежней, Анны. И я, испугавшись этого наваждения, узнавания её желанной и любимой, чуть грубовато спросил:

— И сколько же тебе стукнуло, если не секрет?

— Посчитай. Ты старше меня на двадцать три года. Когда я родилась — ты уже окончил институт. Впрочем, мне ещё «не стукнуло», как ты выразился, потому что я родилась в двенадцать часов дня.

Мысленно я подсчитал, что ей, значит, сорок лет. А вслух, стараясь быть непринуждённым и весёлым, сказал:

— О, сударыня, значит, вам не менее ста лет! Ибо я уже такой древний.

— Обидеть хочешь? Или так, беззлобно шутикуешь? — совсем не раздражённо, а скорее усталоспросила Анна.

— Комплимент хотел сделать, — ответил я. — Поскольку после ста — уже вечность. А для вечности ты весьма неплохо выглядишь.

— Когда-то ты говорил, что я выгляжу очень хорошо и даже сногшибательно.

— Ну, когда-то... Мало ли что было когда-то...

— А ты не меняешься, — внимательно взглянув на меня, сказала Анна. — Всё такой же.

— Какой?

— Загорелый. Мускулистый. Весёлый. Глаза блестят и голубеют.

Не знаю, говорила ли Анна правду. Сама она, надо сказать, за то время, что мы не виделись, изменилась. И, увы, не в лучшую сторону.

В углах рта появились скорбные складки. Бездонный, как казалось прежде, омут зелёных глаз уже не был опасен и не выглядел таким уж бездонным, словно обмелел. И в эти обмелевшие глаза теперь не страшно было заглянуть. И ещё, чувствовалась в ней некая преждевременная усталость, словно мы с ней обменялись возрастом.

— А ты, Аня, что-то неважно выглядишь, — с искренним сочувствием сказал я. — Работы много?

— Много. Причём часто бестолковой, совсем ненужной, — с каким-то безразличием ответила она. — Но, впрочем, наверное, дело не в этом. А в том, что радости жизни не стало. Вот в чём беда... Послушай! — вдруг оживилась она, — сегодня ведь макушка лета, его середина, некий, так сказать, рубикон. А «лето — это маленькая жизнь...», как поётся в песне Олега Митяева.

У нас есть вкусная еда, вино. Надеюсь, ты не будешь возражать, если мы отметим мой день рождения у тебя? Не хочется, понимаешь, устраивать праздничный обед в гостинице с видом из окна на неказистые деревенские сараи и общественный туалет. Тем более что ты сказал, что к тебе никто не приехал. Посуду мы потом всю перемоем и всё приберём, не беспокойся. – поспешно проговорила Анна, по-видимому, уловив в моём лице недовольство.

– А я и не беспокоюсь. Я вообще в последнее время стараюсь ничем особо не озадачиваться, – ответил я. – Но, увы, при всём моём желании собраться у меня не получится. Потому что в час дня мы собираемся у моего соседа Евгения Яковлевича Серебрянникова, отметить столетилетний юбилей Сергея Яковлевича Лемешева. Если ты с ним договоришься о своей компании – присоединяйтесь. Думаю, он возражать не будет.

– А ты не смог бы с ним поговорить?

– Нет. Это ведь не моя территория...

31 июля 2012 года. Вторник. Порт Байкал. 10:50

– Ты как будто сердисься на меня за что-то, – задумчиво проговорила Анна, раздражённо махнув рукой своим спутницам, уже вышедшим из храма и какое-то время стоящим в некотором отдалении от нас на зелёной, заросшей душистой аптечной ромашкой дорожке, ведущей в деревню, и всем своим видом словно показывающим, как им надоело её ждать. И взмах её руки в данном случае мог означать только одно: «Идите. Я догоню». – Я вроде бы этого не заслужила, – увидев, как её подружки побрели вниз, вновь обернулась ко мне.

– Аня, ты очень славная девушка. И поверь, я к тебе совсем неплохо отношусь. Но я больше не люблю тебя, вот в чём дело. Впрочем, как и ты меня, наверное. Следовательно, – я старался говорить искренне, – не стоит больше блуждать в саду былых сновидений, в котором нам обоим было когда-то хорошо. Ведь невозможно дважды войти в одну и ту же реку, как утверждают философы. Всё в прошлом, в мире иллюзий. Причём надеюсь, что утраченных.

– А я сегодня с утра творчеством занималась, – словно не слушая меня и глядя теперь на синюю ширь Байкала, снова невесело проговорила Анна, достав из кармана лёгонькой куртки и передавая мне сложенный вчетверо тетрад-

ный листок бумаги. – Пообещай только, что прочтёшь, что там написано, когда мы уедем!

– Обещаю. И даже, как юный пионер, торжественно клянусь! – попробовал я хоть немного разрядить обстановку. – Ну, я пошёл. Мне ещё надо до визита к Женьке успеть супчик какой-нибудь сварганить.

– Пойдём вместе. Попробую переговорить с твоим соседом.

У крыльца моего дома мы расстались. Анна пошла дальше, а я вошёл в дом.

Готовя на веранде супчик на завтра и послезавтра и в общем на сколько хватит, я увидел в своё «телеокно», как через короткое время возвращаясь от Женьки, Анна перешла с его участка на мой (между нами нет забора), собрала на небольшой полянке крохотный букетик ромашек и, подойдя к веранде, постучала сухой веткой в высокое окно, до которого рукой было не дотянуться.

Я вышел на крыльцо.

– С Евгением Яковлевичем мы обо всём договорились. Так что наша компания присоединяется к вам, – доложила Анна.

– Хорошо. Значит, ещё увидимся, – бодро ответил я.

– Это тебе, – протянула она букетик из нескольких ромашек.

– Почему мне? – удивился я. – День рождения ведь не у меня.

– Да ты посмотри, какие они красивые! – проговорила Анна.

«Вот именно. И не стоило их рвать. Пусть бы себе росли», – подумал я.

– На них, кстати, можно погадать, – продолжила она.

– Положи вон там, – показал я на две доски, служащие мне верстаком. – У меня сейчас руки грязные. Только что картошку мыл, а она вся в присохшей глине, – объяснил я Анне.

Она положила ромашки на край доски и, опустив голову, побрела по тропинке к калитке.

***

После весёлого более чем трёхчасового застолья Анна, её спутницы и «тётенька» Евгения, оказавшаяся очень славной, спокойной женщиной, отправились на паром. Женька изъявил желание их проводить, попросив нас с Сашей дождаться его «для продолжения банкета».

– Тем более у меня для вас есть сюрприз, – сказал он, заговорщицки улыбнувшись.

Мы с Сашей уеслись в раскладные кресла на большой открытой веранде (благо, что дождь в очередной раз прекратился) и, лениво переговариваясь, стали любоваться чудесным видом на Байкал, его ближайшими и дальними мысами, сейчас курящимися, будто деревенские печи в ненастье, когда из труб почти всех домов валит белый дым.

– А я сегодня перед обедом по областному радио, в рубрике «Минуты поэзии», стихи твои слышал. Хорошие стихи, – неспешно, с паузами проговорил Саша, всё так же неотрывно глядя на Байкал. – И стих об Анне, я сразу понял о ком.

– О ком? – тоже лениво спросил я.

– Ну, ясно дело, о сегодняшней Анне, Снегирёвой. Я же помню, как у вас тут два года назад всё захороводилось. Светились оба, как свежеспечённые блины. Это потом уже, позже, между вами какая-то чёрная кошка, похоже, пробежала.

– Нет, Саша, ты ошибся. Этот стих был написан очень давно. Ещё в прошлом веке, в Германии. И когда я писал его, я думал не об Анне Снегирёвой, а об Анне Невзоровой, моей давнишней доброй приятельнице, работающей тогда на областном радио. С которой у меня никогда и ничего в амурном плане не было. Да ты и сам её знаешь. Ты ведь у неё в программе на радио тоже записывался, как мне помнится.

– Да, – ответил Саша, – было дело. И, немного помолчав, добавил: – А наизусть это стихотворение не помнишь? Прочти, если сможешь.

– Попробую, – не стал я возражать. Тем более что многие свои стихи я действительно знаю наизусть.

*Дни поздней осени туманны...
(И смуглы аж до черноты.)
И у моей подруги Анны
Сквозят осенние черты.*

*И в сумерках – из фиолета –
Я с грустью припомню вновь,
Как ярко полыхнуло лето,
Меновенна как была любовь.*

*Осенняя моя подруга...
На кухне с Анной пьём чай.
Она мне – про любовь, про друга...
Я ей – про беды про свои...*

*И вдруг, галантно распрощавшись,
Я в темь шагну. Исчезнув вновь,
Шепча под нос себе сонеты
Про нереальную любовь.*

*Но, сам себя противореча,
Я буду ночью вспоминать,
Как светел локон. Смуглы плечи.
Как широка её кровать!*

– Да, – снова проговорил Саша, будто нехотя, когда я, не торопясь, с некоторой даже ленцой и хрипотцой в голосе, прочёл этот стих. – Наверное, неосуществлённая любовь – самая лучшая, – сделал он неожиданный вывод. И мы оба в очередной раз надолго замолчали.

– Впрочем, и про нынешнюю Анну у меня есть стихотворение. Правда, написанное в соавторстве с Александром Сергеевичем Пушкиным.

– Можешь прочесть?

– Могу. Слушай.

*«Я Вас любил...
Любовь ещё, быть может?»
Не может быть. Надежды больше нет.
«Но пусть она Вас больше не тревожит», –
Как некогда уже сказал поэт.*

*«Я вас любил безмолвно, безнадежно...»
Как много в этом мире вечных тем.
«Я Вас любил так искренне, так нежно...»
И вот, представьте, не люблю совсем.*

37

– Злое стихотворение, – помолчав, проговорил Саша. – Пушкин добрее тебя.

Развивать дальше эту тему мне не хотелось, и я ничего не ответил ему. А тут вскоре наше затянувшееся, но нетягостное, впрочем, молчание, когда каждый думает о чём-то своём, может быть, сокровенном, прервал вернувшийся примерно через час после его ухода со всей компанией раздурманенный от быстрой ходьбы и подъёма на нашу горку Женька. Весело улыбаясь и потирая руки, он предложил:

– Ну что, мужики, на троих?!

Он быстро прошёл в дом, и мы последовали за ним. Во-первых, потому что немного продрогли от почти часового сидения на открытой всем ветрам веранде, а во-вторых, потому что стал снова накапывать дождь.

Откуда-то из шкафа за печкой Женька извлёк наполовину недопитую бутылку рома.

Мы, не торопясь, за разговорами, выпили по несколько рюмок действительно очень хорошего, привезённого нашим радушным хозяином с Филиппин рома. Почти доели оставшиеся салаты и картошку. Посудачили власть и об уехав-

ших дамах, каждая из которых была по-своему хоть чем-то да хороша...

Расстались мы уже под вечер. И когда я вернулся к себе, вспомнил про записку Анны. Достал из кармана рубашки сложенный вчетверо листок бумаги и, сидя у окна на веранде, прочёл:

«Иркутская область. Порт Байкал, жара, июль...»

Какой красивый и дивный уголок природы! И здесь из-под пера писателя Владимира Максимова выходят в жизнь его рассказы и стихи! (После прочтения этих строк мне сделалось как-то неловко, будто мне льстили прямо в глаза. Но потом я подумал, что, может быть, она тоже успела услышать передачу «Минуты поэзии» и решила, что стих про Анну написан о ней. И это раззадорило её на написание подобной записки.) *В них всё: и боль, и радость, и вечная любовь.* (Какое заблуждение! Не бывает никакой вечной любви. И никогда не было. И если женщина (или мужчина) говорит вам, что будет любить вас вечно – это означает только то, что она (он) будет любить вас пока будет любить.) *Любовь к человеку, к травинке, к собаке.* (Это явно об украденной нынешней зимой, пока он был на Филиппинах, Женькиной собаке Асе, «хозяйке горы», которая присутствует во многих моих рассказах.) *И как у него хватает её на всех?! А очень просто: любить только себя – грех. Свет и доброта нашего поэта – залог настоящего таланта и успеха!*

15 июля 2012 года. Воскресенье. Анна С.»

Дочитывал я записку уже с таким чувством, будто она была написана не обо мне, а о ком-то постороннем, незнакомом и в общем-то не очень симпатичном, стереотипном человеке.

«Ну, что ж. Излишне восторженно, на мой взгляд. Во многом, пожалуй, неточно. Но, может быть, искренне. Тогда это извиняет автора», – подумал я, положив записку на стопку бумаг, предназначенных для будущих, ещё не начатых литературных произведений. Тем более что нынешнее повествование, подходящее уже к логическому завершению, я надеялся закончить к концу недели. Чтобы с понедельника приняться за новую вещь, надеясь написать за дачный сезон хотя бы ещё два рассказа.

Один, с условным названием «Экзамен по научному коммунизму» я здесь уже написал. А этот – «Живая душа» с самого начала пробуксовывал и двинулся только с третьего раза, измотав меня. И я отчего-то вспомнил, как сын,

когда я уже приехал сюда, дождавшись в городе их возвращения с острова Ольхон на Байкале, куда они отправились с друзьями дня через два после Диминой свадьбы, позвонил и сказал, что они со Светой привезут мне Рыжика, Караса Казимирыча, потому что теперь они уже отправляются в Таиланд, в свадебное путешествие, тоже на какой-то остров, но совсем безлюдный и крохотный.

Вспоминая это, я отчего-то вспомнил вдруг и про ромашки Анны. Вышел на улицу и увидел, что они совсем завяли...

Фрагмент, из написанного ранее, который можно было назвать «Новелла о рундуке»

Я пишу за круглым столом на веранде, а Карасик спит себе безмятежно на мягкой подстилке на рундуке метрах в двух от меня...

На этом рундуке в своё время (это было ещё при Наташе), наверное, лет семь назад, спала хорошая знакомая моих друзей, славист и переводчик из Швейцарии, приехавшая к нам с ними. И сразу же облюбовавшая именно это спальное место.

– Он широкий и твёрдый. Как раз то, что нужно для моей спины, – объяснила она свой выбор.

32

И когда я по утрам заваривал на веранде кофе, мы обычно вели с Шан, а именно так звали нашу гостью, литературные беседы. Она просыпалась раньше меня. Выходя на веранду, я видел, что занавеска, отделяющая рундук, уже откинута, и Шан, умытая и причёсанная, сидит за столом с книжкой Льва Николаевича Толстого. Кажется, это были «Севастопольские рассказы».

Шан вообще считала, и это было её твёрдое убеждение, что в России существовали и доньше существуют только два писателя – Лев Толстой и Фёдор Достоевский. Все другие – просто лишние. Ведь всё, что требовалось сказать о жизни, да и о смерти тоже (вспомните «Смерть Ивана Ильича»), эти двое уже сказали. А большего ничего для познания мира и себя в нём человеку и не надо.

Может быть, поэтому, отгостив на Байкале неделю (наши общие друзья только привезли Шан к нам, вернувшись в тот же день в Иркутск и пообещав встретить её у причала парома на той стороне, когда она будет уезжать), она перед самым отъездом деликатно, но всё же с плохо скрываемой брезгливостью попросила меня подарить ей какую-нибудь мою книгу.

– Возможно, я что-то смогу перевести, – словно извиняясь за свою брезгливую гримасу, скрыть которую ей не удалось, примирительно сказала она, – но не обещаю быстро и наверное, – поспешно добавила Шан, поймав мой ироничный взгляд.

Я подарил ей «В то лето...». Подзаголовок был «Повествования прошлого века», речь в книге шла о веке двадцатом. И уверен, что книга эта скорее всего даже не доехала до Швейцарии. А если и доехала, то стоит или лежит где-нибудь на полке в кухне, между банками с какой-нибудь диковинной снедью. И не потому, что книга плоха, а потому, что это Максимов, а не Толстой или Достоевский.

Хотя книга не просто неплоха, она получилась, на мой взгляд, даже очень хорошей. Может быть, поэтому её тираж в тысячу экземпляров в наше-то нечитающее время разошёлся за три месяца! И в ней есть несколько очень достойных, дорогих мне рассказов. Да и повесть «Мы никогда уже не будем молодыми» тоже хороша.

Впрочем, я на свой счёт особых иллюзий не питаю. И, возможно, именно поэтому в один из вечеров, когда мы ужинали с Шан на веранде вдвоём, запивая еду (яичницу, поджаренную с сосисками) красным вином, перелитым мной из тетрапака в графин, на её вопрос: «Являюсь ли я известным в России писателем?» – искренне, с долей горькой иронии (ибо люди почти перестали, увы, читать книги) ответил: «Я широко известен в узких кругах своих единичных читателей».

Шан наморщила лоб, поскольку даже для неё, прекрасно владеющей русским языком, этот каламбур был, пожалуй, всё же сложноват. И чтобы объяснить ей сказанное, мне пришлось продолжить:

– Мир, как известно, мал, а Россия велика. Поэтому при нынешних небольших тиражах книг и очень немногочисленных читателях о всероссийской известности речи быть не может почти ни у кого из пишущей не в Москве и Петербурге братии. Именно поэтому я более-менее известен здесь, у нас в Сибири. И, судя по всему, совершенно неизвестен за её пределами.

Но, по-видимому, и это объяснение было для неё не совсем простым. Особенно «Мир мал – Россия велика», потому что она выслушала меня как-то отстранённо, не улыбаясь, сдвинув брови к переносице. И я не уверен, что она до конца поняла меня.

Молча запив мои разглагольствования несколькими хорошими глотками вина, она только и сказала:

– Угу...

А поставив бокал на стол, добавила:

– Вино хорошее. Испанское? Чилийское?

– Российское. Краснодарский край...

А года два назад (Наташи уже не было) на этом рундуке снова спала дама, только теперь не из Швейцарии, а из Питера. И снова знакомая наших знакомых. Правда, на сей раз рундук был облюбван ею не из-за проблем с позвоночником, а из-за проблем с избыточным весом. И нежеланием в связи с этим подниматься по лестнице в гостевые комнаты. Хотя во время её приезда одна из них была свободна.

1 августа 2012 года. Среда. Порт Байкал. 9:40

Наступило моё любимое время. «Месяц Цезарей – август» – как сказал о нём, кажется, Мандельштам.

За окном веранды туман. Из шести моих нижних (поскольку рама веранды разделена ещё и одной горизонтальной перегородкой, посередине) «телевизионных» каналов (на шести верхних, симметричных нижним, всегда только небо и вершины зелёных гор, таких разноцветных осенью) показывает только один. Первый. Виден бок Женькиного дома, отстоящий от моего шагов на пятьдесят, и – сарай, гараж, баня – всё под одной крышей, но с разными высотами.

И сегодня ночью, когда я по малой надобности выходил из дома на крыльцо, было тоже туманно и тепло. Туман полноводной рекой или вылезшим из горшка-великана тестом медленно и плавно плыл по дороге и над ней, заполняя всё пространство этого нашего маленького каньона. И с другого берега этой белой реки высвечивали в ночи размытым светом три янтарных квадрата окон ближней ко мне из всех трёх на её усадьбе дачи Галины Алексеевны Николаевой. Да ещё на нашей полянке у дома светил в непричёсанных космах тумана, будто живой светлячок, фонарь на солнечных батареях, привезённый в свое время на дачу Наташей.

И потом, когда я вернулся с крыльца, пожурчав с него не очень упругой струёй, в дом и снова уснул, мне приснилась Наташа. И мы что-то делали с ней вместе. Кажется, читали.

33

Как это частоенько бывало при нашей неторопливой жизни здесь, на даче.

Если погода позволяла, мы после ужина выходили на открытую веранду перед крыльцом и, сидя на раскладных стульях, читали там. А если дни были уже не такие длинные или моросил дождь, мы читали и обсуждали прочитанное за круглым столом на веранде. Боже, какие это были счастливые, как я сейчас понимаю, минуты...

Однако пора вернуться к нашей гостье из Петербурга.

... – Мне туда, наверх, лезть не с руки, при моих-то габаритах, – пояснила она своё решение устроиться на рундуке. – Да и вряд ли я смогу протиснуться в ваш люк, – добавила она, критически взглянув наверх и поставив свои дорожные сумки рядом с рундуком, под лестницей, ведущей на второй этаж.

А меня её слова о протискивании в люк на толкнули на воспоминание о том, как, действительно, однажды художник Лев Борисович Гимов, тоже летом живущий на своей даче в Порту, решил написать мой портрет «за работой» (а писал я тогда до обеда, уж не помню почему, в свободной комнате на втором этаже) и даже не попытался протиснуть в этот люк приготовленный им и натянутый на подрамник внушительных размеров холст. Пришлось его на второй этаж транспортировать через окно, с улицы, подставив лестницу.

– А здесь, на веранде, хорошо. Просторно, прохладно... – продолжила дама из Питера обосновывать свой выбор данного места отдыха. – Дайте мне только что-нибудь свое новенькое, если есть, почитать. Мне Софья Михайловна давала в Питере некоторые ваши вещи почитать. Мне они понравились. Есть в них и искренность, и доброта, и чистота. Редкие для нынешней литературы качества. Я даже в гимназии у нас, которую основал, кстати, не кто-нибудь, а сам Жорес Алфёров*, некоторые ваши рассказы с ребятами разбираю. И, похоже, они им тоже нравятся. Особенно вот эти два: «За шторой с

* Софья Ефремова – для близких друзей. Софья Михайловна – для студентов ЛГУ и всех остальных. Ныне уже, впрочем, не Ленинградского, а Санкт-Петербургского государственного университета, доктор биологических наук. Моя добрая приятельница аж с семидесятых годов прошлого века, когда я тоже занимался наукой и учился в аспирантуре Зоологического института в Ленинграде.

** Крупный учёный, физик, лауреат Нобелевской премии.

этой стороны...» и «Морозный поцелуй». Может быть, оттого, что герои этих рассказов очень молоды. Фактически их ровесники.

Я дал ей свою крайнюю на тот момент и очень горькую для меня книгу «Куда всё это исчезает?..», вышедшую к восемнадцатому апреля две тысячи десятого года, к первой годовщине ухода в мир иной жены моей Наташи.

В книгу были включены повести и рассказы, как-то связанные с нашей семьёй, из уже вышедших ранее книг. Например, повесть «Пристань души», в которой рассказывалось, как мы с двадцатимесячным сыном Димой предприняли поездку по осеннему Байкалу на моторной лодке нашего приятеля Вити Егорова... Были и новые рассказы, написанные ещё при Наташе и в какой-то мере о ней. Такие, как «Фонарь на солнечных батареях»... Было там и эссе «Прости, прощай...», написанное уже после жизни Наташи – жизни здесь, на Земле. (Я верю, что она живёт и ждёт меня где-то там, на небесах, в неведомых нам далях. Ибо человек всегда получает именно то, во что он свято верил. Она верила в бессмертие души.)

На этом написанные прежде варианты данного повествования заканчивались следующей записью о начале работы над рукописью:

«16 июля. 12:30. За два с половиной часа я написал более трёх рукописных страниц! Невиданные для меня темпы.

Дождь уже почти перестал. И лишь редкие, кажется, большие и твёрдые, как горошины, капли изредка ударяют по железу крыши. К дымку, поднимающемуся из трубы Женькиного камина, присоединился клочками витающий белый туман закурившихся близких зелёных гор, лениво отделяющийся от мокрых, изумрудного цвета, полукруглых вершин деревьев.

Ну, что ж, продолжу завтра ткать нить повествования с неведомым доселе мне сюжетом».

Ну вот, а сейчас я пишу уже на пятьдесят третьей странице. И тоже до сих пор не знаю точно, что же у меня в конце концов получится.

А потом, после написания вещи, будет первая вычитка. Потом переписывание вычитанного текста набело. Введение чистового и ещё раз вычитанного текста в компьютер (прежде компьютер заменяла печатная машинка «Унис де люкс», или попросту «моя Унис», купленная

в Москве на первый приличный гонорар). Вычитка и правка набранного текста уже в компьютере. Распечатка вычитанного текста в бумаге. Вычитка распечатки, правка. И тогда, может быть, если удастся вложить в слова то, что я чувствую, что-то получится. То есть что-то вечное. Или хотя бы достаточно долговременное, интересное не только мне и моим знакомым, но и совершенно незнакомым людям. Поскольку в этом рассказе будет тогда отражено живое время уже исчезнувшего в никуда високосного года третьего тысячелетия, с его сиюминутностями и размышлениями о темах вечных: душе, жизни, смерти, любви, утрате или неутрате иллюзий и поисках утраченного времени...

А потом надо будет у неведомых и часто почти недостижимых гипотетических спонсоров изловчиться добыть денег, убедив их в том, что литература ещё кому-то нужна. И если повезёт, то можно будет издать книгу, состоящую из новых, никому ещё неведомых рассказов. Написание которых, впрочем, уйдёт ещё года два-три. После чего и этот рассказ, и другие, доселе пока ненаписанные, а только вызревающие где-то в глубине души, возможно, прочтёшь и ты, мой неведомый читатель...

Продолжу завтра. Надо идти в магазин. У Карасишки закончился мантай. Да и время уже 11:30. Пишу почти два часа. Устал.

2 августа 2012 года. Четверг. Порт Байкал. 10 часов утра

Туманное утро. Или как там, у Ивана Сергеевича Тургенева: «Утро туманное. Утро седое...».

Да, как и вчера, туман как будто поглотил не только окрестности, но и звуки. Не слышно птиц, кузнечиков. Всё словно спряталось и замерло в ожидании чего-то.

Из тумана шагах в десяти от веранды выглядывает с крупными бриллиантовыми каплями на иглах вершинка невысокой пушистой сосёнки. И от этой игольчатой зелёной пушистости, унизанной сверкающими чистыми каплями, на душе становится как-то спокойно и даже радостно, несмотря на то, что сегодня день рождения мамы, которой уже девять лет нет на этом свете. И я помню, как здесь, на даче, готовя сборник стихов «Памяти солнечный зайчик», написал второго августа первые строки будущего стихотворения: «Мамин день рождения без мамы я уже второй встречаю раз. Попросив у Господа покоя для души её. И памяти – для нас...».

Мама умерла одиннадцатого апреля две тысячи третьего года. Ей было семьдесят семь лет, а мне пятьдесят пять. Но как горько, помню, казалось. И каким виноватым из-за того, что бывал порою с ней небрежен, груб, невнимателен, чувствовал я себя. И эти обильные слёзы, конечно, очищающие душу, помочь уже, увы, ничем не могли...

А вот молилось сегодня за усопших с утра очень хорошо. Не формально, как бывает иногда. И как-то очень светло. Ведь души их нуждаются в наших молитвах.

А ещё сегодня восемьдесят вторая годовщина воздушно-десантных войск (это я из новостей по радио сведения почерпнул). И день Ильи, или Илии, – пророка. Значит, почти обязательно будет дождь. Ну и пусть!

И ещё, отчего-то (из-за тумана, наверное) с утра вспоминается Беломорье.

Так же вот, помнится, как моя сосёнка, выглядывала вершина тёмно-зелёной ели, растущей среди огромных валунов недалеко от домика, где я тогда живал летом на Беломорской биологической станции Зоологического института.

И ещё припомнилось, как я играл на этой биостанции в бильярд... с вороной. Её там никто не гонял, кроме собак сторожа-финна, которые, впрочем, обычно сидели на привязи у его домика, стоящего недалеко от причала. И поэтому ворона почти перестала бояться людей.

Большой бильярдный стол с выцветшим от солнца зелёным сукном стоял под навесом, на открытой просторной веранде, в нескольких десятках шагов за столовой, почти на краю биостанции. И на этой веранде отчего-то было всегда пустынно. И мне это нравилось – отсутствие людей. Я приходил туда в свободное от работы время поразмышлять в тиши. А заодно и погонять большие желтоватые (тоже ставшие такими от солнца) бильярдные шары, оттачивая меткость удара и глазомер. И как только раздавались первые удары кия по шару, невесть откуда прилетала ворона. Кося недоверчивой чёрной бусинкой глаза в сторону кия, она сначала садилась на бортик веранды. А через какое-то время перелетала на бортик стола, крепко держась за него своими цепкими лапами с длинными когтями и время от времени прохаживаясь по нему как-то боком, туда-сюда.

Она всегда с нескрываемым интересом наблюдала за движением шара по выцветшему сукну стола. А когда шар падал в лузу, неуклюже

35

переступая лапами, добиралась до сетки, в которую он свалился, и с недовольным видом, будто даже покряхтывая, очень стараясь, тянула клювом сетку вверх, до тех пор пока шар снова не выкатывался на стол. В этот момент она довольно крякала, вытягивая шею, и продолжала внимательно следить за игрой.

И всё начиналось сначала. Поэтому выиграть у этой вороны было невозможно.

И там, за бортиком веранды ели тоже стояли в белых юбочках из тумана.

И ещё вспомнилась биостанция Ленинградского университета, которая была значительно бедней нашей и размещалась в бараках бывшего рыболовецкого колхоза, на одном из ближайших к нашему мысу Картеш островов. Помню, что у университетской биостанции тогда не было даже электричества. И, приезжая туда, ты как будто попадал из века двадцатого в век девятнадцатый. Поэтому вечерами в одной из комнат на втором этаже огромного барака, выстроенного из почерневших брёвен, с длинным гулким коридором, мы (я, аспирант Зоологического института, приезжающий время от времени для совместных экспериментальных работ с работниками ЛГУ со своей биостанции; Соня Ефремова, тогда ещё молодой, подающий надежды кандидат наук, и её весёлая студентка Наташа) собирались на общей кухне, в которую выходили двери двух комнат, занимаемых в этой части барака нами. В одной жили Соня с Наташей, в другой – я.

Нажарив с картошечкой белых грибов, собранных недалеко от дома, мы садились ужинать при свете керосиновой лампы. Соня доставала из шкафчика пузатенькую, из прозрачного стекла, колбочку с разведённым спиртом, настоящим, кажется, на можжевельнике. Отчего цвет у этого крепкого напитка был зеленоватый. Металлические рюмочки у нас были очень маленькие. И за время ужина мы могли выпить по две три таких рюмки зелёного (в прямом смысле этого слова) зелья.

А после ужина, будто находясь внутри большого тёплого жёлтого шара света, исходящего от керосиновой лампы, Соня начинала читать нам вслух, экспромтом переводя с французского, какую-нибудь новую повесть Франсуазы Саган или Анны Преядадь, ещё не переведённую на русский язык даже журналом «Иностранная литература».

Помню, что Франсуаза мне нравилась гораздо больше Анны. А Соня с Наташей нравились

вообще. Тем более что на острове нас было только трое. Да ещё штук пять закрытых на висюльки замки барачков. И как говорил поэт: «Я мог бы запросто влюбиться, но...». Но я уже был нешуточно влюблён. И не далее как несколько дней назад, в «почтовый день», перед тем как отправиться на университетскую биостанцию на вёсельной лодке для заранее согласованных с шефом совместных работ получил от любимой девушки очень нежное письмо, заканчивающееся словами: «Где ты пропадаешь? И зачем?». И если на вопрос «где?» я мог ответить достаточно точно, то на вопрос «зачем?» – вряд ли. Потому что это уже философский вопрос. А на философские вопросы отвечать всегда непросто. Слишком много в них разных нюансов.

Воспоминания цепляются одно за другое, как звенья цепи. И эту цепь из воспоминаний о ранее прожитом можно вытягивать, кажется, до бесконечности. Поэтому вернёмся всё же к нашей гостье из Питера.

Когда я утром попытался тихонечко выйти на веранду, дверные петли дома противно и протяжно заскрипели, и я в очередной раз вспомнил о том, что собирался их смазать ещё несколько дней назад. Осторожно прикрыв второй раз проскрипевшую дверь, я уловил за шторой, отделяющей рундук, какое-то шевеление.

– Извините, я вас, кажется, разбудил? – проговорил я в сторону шторы. – Всё забываю смазать в доме дверные петли. Вот они и скрипят, как ненастроенная скрипка.

– Вы меня не разбудили, Владимир Павлович. Я не спала. Я почти всю ночь читала вашу книгу. Правда, дочитать всё же не успела.

Через минуту из-за шторы с всклокоченными волосами и в каком-то цветистом халате появилась наша гостья. Не помню, как её звали. Летом у нас на даче, особенно при Наташе, всегда бывало много гостей отовсюду. Да и без Наташи какое-то время было так же. Инерция приездов знакомых, малознакомых, совсем незнакомых, но знакомых наших друзей сохранялась ещё долго. Поэтому для простоты повествования назовём гостью, скажем, Елена Ивановна.

– Я сейчас умоюсь, приведу себя в порядок и буду с вами разговоры говорить за чашкой кофе, – решительно произнесла она. – Вы ведь кофе собирались пить? – уточнила она.

– И завтракать, – добавил я.

– Вот и хорошо. Вместе позавтракаем. У меня есть отличный мамолотый из зёрен кофе и сыр.

Вернувшись на веранду (поскольку летом умывальник у нас на улице, а прочие удобства – круглогодично), розовощёкая, причёсанная, пышущая здоровьем и оптимизмом Елена Иванова, положив на стол сыр и поставив кофе, от которого по веранде распространился дурманяще приятный аромат, решительно заявила:

– Владимир Павлович, я сегодня уезжаю. Книгу дочитать не успею, поскольку мне хочется ещё и окрестности осмотреть. Поэтому вы мне должны её подарить.

Меня особенно резануло слово «должны», поскольку не далее как вчера, побывав в посёлке, я дважды услышал почти то же самое. Сначала в магазине «У Жанны», где одна из её продавщиц, очень молоденькая симпатичная девушка с белозубой улыбкой и постоянным, круглогодичным байкальским загаром, тоже попросила, вернее, как-то загадочно потребовала подарить ей книжку, «в которой есть рассказы про портовых».

– Мне наша библитекарша Оксана об этом сказала, вы ведь им книжку подарили, что там много есть чего о наших жителях. Вот и мне стало интересно, вдруг там и про меня что-то написано, – кокетливо улыбнулась она, продолжая глядеть на меня доверчиво и просто своими синими глазами.

Я понял, что речь шла о книге «Предчувствие чудес», вышедшей в две тысячи восьмом году у очень хорошего издателя Геннадия Сапронова. Именно эту книгу я и подарил некоторым своим здешним знакомым, прототипам героев повестей и рассказов. А также отдал по одному экземпляру в школьную и поселковую библиотеки. Тем более что большинство из этих рассказов и маленькая повесть «Такое вот Хироо...» были написаны в прежние годы (ещё при Наташе) здесь, в Порту. И многие местные жители в книжке действительно узнаваемы.

– Вера, подари мне батон колбасы и булку хлеба, – в тон весёлой продавщице ответил я.

Она искренне удивилась такому наглому предложению, даже не поняв, по-моему, почему я его сделал. Перестав улыбаться, она растерянно ответила:

– Я не могу. Это не моя колбаса, а Жаннина. Чтобы не обижать славную наивную девушку, я примирительно сказал:

– Вот и я, Вера, тоже не могу подарить тебе книжку, хотя она и моя. Просто, во-первых, бесплатный труд безнравствен, а во-вторых, у меня

её здесь, на даче, просто нет. Если будешь в Иркутске, сможешь купить её в любом книжном магазине «Продали». («Продать» – сеть магазинов по всей области по продаже литературы.) Они у меня несколько пачек брали. И, кажется, она вся ещё не разошлась. Тем более что стоит книга, которую я писал пять лет, не дороже килограмма колбасы.

– У! Так дорого! – искренне изумилась Вера. Ну что я мог ей на это ответить?

Приблизительно такой же диалог, правда, с благоприятным для меня исходом состоялся у меня и с едва знакомым и уже (с утра!) «изрядно датым» местным рыбаком, когда я вышел из магазина и направился в фельдшерский пункт, вспомнив, что у меня на даче не обнаружилось лейкопластыря, который здесь всегда необходим.

– Ты слышь, Палыч, – тормознул меня рыбак недалеко от магазина. Сам он, по всей видимости, направлялся именно туда, – книжку-то мне свою чё не даришь? Про наших коренных жителей. Да и про нас, рыбаков, чё-нибудь напиши! У нас ведь доля ой какая опасная. Можно сказать, каждый день по краю жизни ходим.

– Может быть, по краю бездны? – уточнил я. Ибо Байкал – это, несомненно, бездна, почти такая же, как космос.

37

– Ну, бездны, один хрен, – легко согласился рыбак Коля, бывший моторист судна «Комсомолец Бурятии», ржавеющего уже несколько лет у одной из причальных стенок Порты. – Ты же писатель? – уточнил он на всякий случай.

– С ударением на каком слоге? На первом или на втором? – решил пошутить я.

– Да какая, хрен, разница! – запальчиво проговорил он. Но, о чём-то поразмыслив, добавил: – Не понял, ты это на чё намекаешь?

– Да ни на что, Коля, не обращай внимания. Хотя разница между писателем и писателем всё-таки есть, согласись.

– Да какая, хрен, разница! – снова запальчиво проговорил он и уже более спокойно продолжил. – Я ведь книжку у тебя не просто так прошу. Я ведь её про-чи-таю, – нараспев, по слогам проговорил он последнее слово. – А тебе за это рыбки дам. Омутька там, хариуса... Бартер, так сказать, – без запинки произнеся иностранное слово, закончил рыбак очень заманчивым для меня предложением.

Кстати, одну свою книгу в этом году я здесь, в Порту уже сумел обменять на литр сухого крас-

* Видно, любимый продукт у Коли – это хрен.

ного качественного краснодарского вина «Каберне». Обмен произошёл с хозяйкой магазина «Ручеёк», расположенной по пади Баранчик, чуть выше его впадения в Байкал. Я ей книгу – она мне литр вина в тетрапаке.

Вдохновлённый предложением Коли, даже двумя заманчивыми предложениями, во-первых, о прочтении книги, а во-вторых, о том, что я смогу её обменять на несколько «хвостов» свежей байкальской рыбы, и пообещав ему книгу выдать, я отправился в фельдшерский пункт.

Продав мне упаковку сантиметровой ширины лейкопластыря, фельдшерица, дама средних лет с усталым лицом, попросила, как и продащица Вера, подарить ей книжку «Предчувствие чудес». Причём без какого-либо бартера и оговорок.

Может быть, вспомнив эти два халявных вчерашних предложения, я и ответил своей гостье не очень вежливо:

– Елена Ивановна, вот если бы вы пришли, скажем, в мастерскую к художнику и попросили подарить вам понравившуюся картину. Как вы думаете, что бы он вам ответил? – И тут же, спохватившись и вспомнив наш уговор с сыном именно об этой книге – «Куда всё это исчезает?..», я примирительно добавил: – Впрочем, я вам её, конечно, подарю. Мы договорились с сыном о том, что кто не может эту книгу купить, но хочет её прочесть, в память о Наташе мы её дарим.

Кстати, Вере с фельдшерицей я, возвратившись на дачу, тоже решил в ближайшее время книги подарить. Просто их, действительно, в потребном количестве у меня сейчас не было.

– Я куплю, – поспешно отреагировала Елена Ивановна на мои слова о художнике и картине. – Сколько она стоит?

Мне почему-то всегда неловко называть цену книги, даже по её себестоимости. И чувствую я себя в этот момент каким-то крохобором. Но что же делать, если последние годы авторский гонорар издательства выдают писателям, как правило, их же произведениями.

– Двести рублей, – сказал я смущённо.

– Вот, – протянула она мне две тысячи двумя банкнотами...

3 августа 2012 года. Порт Байкал. Пятница. 9:50

Ура, завтра баня! Конец трудной недели.

Третий день с утра и посёлок, и Байкал внизу скрыты туманом. А с обеда обычно солнечно. Мне нравятся такая погода. Может быть, оттого, что пишется...

Но вернёмся в день вчерашний, к нашим товарно-денежным отношениям с питерской гостьей.

– Елена Ивановна, – ответил я. – Вы меня не поняли. Я сказал двести рублей, а не две тысячи.

– Берите-берите. Поверьте мне, книга того стоит, – по-прежнему протягивая деньги, проговорила она.

Спустившийся несколько минут назад на кофейный запах со второго этажа мой шурин Саша, староста уже действующего, но всё ещё продолжающего строиться в Иркутске Петропавловского храма, гостивший в это время у нас с внуком Димой, с явным удовольствием попивая кофе, с весёлым любопытством наблюдал за нашим диалогом, превратившимся в затянувшуюся паузу.

– Но я не могу взять за книгу такие деньги. Это как-то неприлично, по-моему, – не очень, впрочем, решительно сказала я.

– Тогда сделаем так, – опустила Елена Ивановна протянутую через стол белую пухлую руку с деньгами. – Брат вашей усопшей жены, которой и посвящена эта книга, кажется, служит старостой в каком-то храме? Вот ему мы деньги и отдадим, если вы не возражаете. Как пожертвование от вас с сыном. И пусть он за упокой души вашей Натальи молится какое-то время. Сколько сам сочтёт нужным.

Она протянула деньги Саше. И он, чуть помедлив и взглянув на меня, взял их. И отчего-то не то крякнув, не то покряхтев немного, положил деньги в карман тёплой байковой, в клеточку рубашки, поблагодарив Елену Ивановну словами: «Спаси Бог».

В тот же день после обеда Елена Ивановна отбыла.

А я, встретив днём Машу Николаеву, которая разрабатывала дизайн обложки этой книги, рассказал ей о невиданном «гонораре», полученном за неё от заезжей гостьи из Питера.

– Но ни тебе, Маша, ни себе я не могу из этого «гонорара» взять и десятки. Ибо весь он пошёл на жертвование для строящегося храма, – объяснил я ей суть дела.

– Ну, что ж, хорошо, что на храм. Значит, хотя бы по одной песчинке добрых дел нам с вами, Владимир Павлович, прибавится, – улыбну-

38

лась Маша своей доброй, слегка застенчивой улыбкой.

И мне от её улыбки стало как-то очень легко и хорошо!

Ну вот, пожалуй, уже все неясные, как нынешний туман, новеллы, чётко разграничить которые невозможно, поскольку они сквозные. И нередко часть одной можно встретить в другой. Это как закрученная спираль ДНК, несущая всю информацию о человеке, или как крепкий канат, сотканный из отдельных нитей и жгутов.

Однако, на мой взгляд, в этом повествовании тем не менее ясно прослеживаются несколько новелл, вошедших в него. О котёнке, неизвестной даме, известной даме, о Беломорье, о рундуке и его обитателях, о моей жене Наташе, о местном «телевидении», о последнем дне лета... И все они, хотя события многих из них отстоят от нынешних на годы, а порою и десятки лет, вправлены в раму современности. С её ежеминутными, часто назавтра забываемыми событиями.

Не знаю, удалось ли мне сплести достаточно прочный канат, при помощи которого, как якорь из морских глубин, можно вытянуть утраченное время, судить уже не мне, а тебе, мой дорогой и пока ещё по-прежнему гипотетический читатель.

И ещё одно несущественное, а так, к слову, добавление. Чтобы написать это повествование в новеллах, в шестьдесят две рукописные страницы, не считая черновых набросков и всевозможных вставок, порою составляющих по несколько отдельных страниц, мне понадобилось три шариковых ручки и полмесяца работы. И даже с учётом ещё предстоящей и, конечно, небыстрой работы над этим текстом вроде бы не так уж много всего затрачено на эту вещь. Но к этому надо прибавить ещё и всю мою до сей минуты прожитую жизнь. Потому что без личного и подчас очень горького опыта и предельной искренности ни один хороший рассказ написан быть не может. А если и возможно это сделать (технически), то это будет рассказ человека в лучшем случае с душой, вычитанной из книг. А в худшем – с душой, высмотренной из телевизора или компьютера. То есть это будет холодный, мёртвый текст, не трогающий никого. Поскольку живую душу будет в нём не отыскать.

А именно о живой душе мне и хотелось вам поведать, неведомые мои будущие читатели.

16 июля – 8 августа 2012 года, Порт Байкал.

Март – апрель 2013 года, Иркутск.

Январь 2016 года, Иркутск

